

ОБ ИЗДАНИИ «ЯЗЫКИ МИРА»

Многотомное энциклопедическое издание «Языки мира» подготавливается одноименной рабочей группой в Институте языкознания РАН в течение ряда лет. Целью издания является описание возможно большего числа естественных языков. Главная идея издания состоит в том, что описание всех языков, независимо от их генеалогической принадлежности и социального статуса, выполняется по единым стандартам. Таким образом, издание «Языки мира» формирует базу данных для любых сопоставительных и типологических исследований.

Статьи об индивидуальных языках и языковых группах написаны в соответствии с типовыми схемами (см. Приложение к настоящему тому). Статьи включают общую и социолингвистическую характеристику языков, сведения о диалектах, письменности и истории языков, внутривидовое описание фонетики, грамматики и лексики, а также основную литературу. Схемы статей являются типологически обоснованными и приложимы к языкам самых различных типов.

В перспективе нескольких ближайших лет готовятся к публикации тома, посвященные, главным образом, языкам Евразии. Статьи группируются в тома по генеалогическому принципу, а в тех случаях, когда это невозможно или неудобно, — по ареальному принципу. Ранее были опубликованы тома: «Уральские языки» (М.: Наука, 1993), «Тюркские языки» (Бишкек: Издательский дом Кыргызстан, 1997; М.: Индрик, 1997), «Палеоазиатские языки» (М.: Индрик, 1997), «Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» (М.: Индрик, 1997), «Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки» (М.: Индрик, 1997), «Дардские и нуристанские языки» (М.: Индрик, 1999), «Кавказские языки» (М.: Academia, 1999), «Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Иранские языки. III. Восточноиранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Германские языки. Кельтские языки» (М.: Academia, 2000), «Романские языки» (М.: Academia, 2001), «Индоарийские языки древнего и среднего периодов» (М.: Academia, 2004), «Славянские языки» (М.: Academia, 2005), «Балтийские языки» (М.: Academia, 2006), «Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки» (М.: Academia, 2009), «Древние реликтовые языки Передней Азии» (М.: Academia, 2010), «Новые индоарийские языки» (М.: Academia, 2011), «Семитские языки. Эфиосемитские языки» (М.: Academia, 2013), «Дравидийские языки» (М.: Academia, 2013), «Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии» (М.: Academia, 2013).

Вслед за настоящим томом в первую очередь должны выйти следующие тома: «Славянские языки» (второе издание); «Семитские языки. Арабский язык. Южноаравийские эпиграфические языки. Современные южноаравийские языки»; «Палеоевропейские языки».

В порядке подготовки к публикации «Языков мира» ранее были изданы следующие коллективные монографии: «Принципы описания языков мира» (М.: Наука, 1976),

«Теоретические основы классификации языков (М.: Наука. Т. 1, 1980. Т. 2, 1982)», «Языки и диалекты мира» (М.: Наука, 1982), *Журиная М.А., Новиков А.И., Ярославцева Е.И.* Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты (М.: Наука, 1986).

На формирование концепции «Языков мира» оказали влияние многие ученые, однако в первую очередь необходимо упомянуть вклад В.А. Виноградова, М.А. Журиной, В.П. Калыгина, И.Ш. Козинского, А.А. Королёва, В.Я. Порхомовского и Я.Г. Тестельца, разработавших типовые схемы, лежащие в основе статей. Разумеется, создание томов «Языков мира» не было бы возможно без огромной творческой работы авторов, представляющих различные научные центры, города и страны, без труда редакторов и технических работников, обрабатывавших материалы томов на самых разных этапах. Всем, кто прямо или косвенно способствовал подготовке издания «Языки мира», редакционная коллегия выражает самую искреннюю признательность.

Редакционная коллегия тома и группа «Языки мира» благодарят Российский гуманитарный научный фонд (Российский фонд фундаментальных исследований) за финансовую поддержку издания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный выпуск энциклопедии «Языки мира» — второй, посвященный африканским языкам (первый — «Семитские языки. Эфиосемитские языки»). Он содержит описание языковой семьи манде и значительной части входящих в ее состав языков.

Этот выпуск имеет давнюю историю. Еще в 1980-е гг. планировалось издать — под редакцией Наталии Вениаминовны Охотиной — один том серии «Языки мира» по всем языкам субсахарской Африки. Семье манде в нем отводилась небольшая глава, в которую должны были войти описания полутора десятка языков, выполненные по краткой схеме. Все это вполне соответствовало уровню знаний того времени и о языках манде, и о языках Африки в целом. Большая часть из запланированных статей даже была написана, но они так и не увидели свет, а к настоящему времени безнадежно устарели.

В середине первого десятилетия XXI в. идея описания африканских языков в рамках проекта «Языки мира» возродилась. К этому времени стало очевидным, что представление всех языковых семей Африки к югу от Сахары в рамках одного тома — идея совершенно несбыточная, и потому было решено посвятить отдельный выпуск языкам манде, в изучении которых российские лингвисты вышли на лидирующие позиции: с 2001 г. проводятся ежегодные российские лингвистические экспедиции в Кот-д'Ивуар и Гвинею, участниками которых стали студенты и аспиранты петербургских и московских университетов, сотрудники академических институтов обеих столиц. В ходе этих экспедиций были собраны данные по двум десяткам языков манде (в том числе открыты пять неизвестных ранее языков).

На этом этапе планировалось издать том в 500–600 страниц, в котором были бы представлены статьи по всем языкам семьи (от 1 до 1,5 авторских листа — по крупным и хорошо описанным языкам, от 0,25 до 0,5 листа — по малым и недостаточно описанным). Ожидалось активное участие в написании статей зарубежных коллег, и от многих из них было получено предварительное согласие. Большинство статей должны были иметь компилятивно-реферативный характер.

Однако в ходе работы над томом диспозиция радикально изменилась. Не оправдалась надежда на зарубежных авторов — за исключением Дени Креселя и Андрия Ровенчака, все они, в конечном счете, участвовать в публикации не смогли. С другой стороны, многие российские авторы не сочли возможным ограничиться предложенным объемом: их статьи базировались на собственных полевых материалах, при этом полноформатных грамматических описаний, выполненных на уровне современных требований, к которым можно было бы отослать читателя за более полной информацией, по их языкам не существовало (и перспективы появления таких описаний в ближайшем будущем оставались неясными). В результате появились большие по объему статьи, представляющие собой не обзоры, а скорее полноценные конденсированные грамматики.

Редакторы решили, что такое изменение формата не понижает, а скорее повышает ценность выпуска. В результате число статей существенно сократилось за счет тех, которые предполагалось представить в обзорно-компилятивном жанре, но средний размер статьи при этом существенно вырос. Лучшее всего оказались представлены те группы семьи манде, по языкам которых в течение последних 15 лет работали ежегодные российские лингвистические экспедиции.

В первую очередь, это южные манде: за исключением лишь недавно (в 2014 г.) открытого языка нген, в выпуске оказались представлены все языки группы — бен (Д.А. Паперно и А.П. Малолетняя), гбан (М.Л. Федотов), уан (Т.В. Никитина), муан (Е.В. Перехвальская), гуру (Н.В. Кузнецова и О.В. Кузнецова), яурэ (Е.Л. Кушнир), тура (Д.И. Идиатов и Е.С. Аплонова), гоо (Е.С. Аплонова и В.Ф. Выдрин), маню (М.Л. Хачатурьян), дан (В.Ф. Выдрин), кла-дан (Н.В. Макеева). Из всех этих языков только по тура уже имелась подробная современная грамматика (написанная Томасом Беартом), при подготовке статьи были также использованы обильные полевые материалы одного из авторов (Д.И. Идиатова).

Следующая группа, представленная в выпуске относительно полно — юго-западная. Одна из трех статей — о языке локо (В.Ф. Выдрин, М.А. Морозова), написана на основе имеющихся работ — впрочем, ее значимость повышает то, что большинство из этих работ малодоступны (а то и совсем недоступны) для широкой лингвистической общественности. О двух других языках группы — лоома (Д.Ф. Мищенко) и кпелле (М.Б. Коношенко) — нельзя сказать, что они были обойдены вниманием предшественников; в частности, кпелле долго исследовал классик африканской лингвистики Уильям Уелмерс, да и лингвистическая библиография лоома достаточно велика. Однако публикуемые здесь статьи (написанные в первую очередь по полевым данным, но учитывающие и более ранние работы), во-первых, представляют не либерийские варианты этих языков (которым посвящено большинство работ предшественников), а существенно отличающиеся от них гвинейские. Во-вторых, детальность и точность описания этих очень непростых языков (особенно в отношении тональной морфонологии, но не только) существенно превосходит все, что было написано до сих пор.

Три статьи посвящены группе манден — самой крупной по числу говорящих и наиболее изученной. По сути, эта группа может рассматриваться как единый языковой/диалектный континуум («макроязык»). Самый изученный идиом этой группы — бамана. В посвященной ему статье (В.Ф. Выдрин) делается акцент на целостности описания; при ее написании широко использовались возможности Справочного корпуса бамана. Мандинка представляет наиболее отдаленную от бамана северо-западную ветвь манден; статья об этом языке (Д. Кресель) основывается на недавно вышедшей подробной грамматике, выпущенной Д. Креселем и П. Самбу на французском языке. Представление о диалектном разнообразии зоны манден (точнее, ее юго-западного сегмента) дает статья А.В. Давыдова о диалектах манден Гвинеи, базирующаяся на собранных им полевых материалах.

По одному языку из группы выбрано для описания прочих групп манде.

Из четырех языков группы моколе в выпуск вошла статья по какабе, написанная полностью по полевым данным автора (А.В. Выдриной), поскольку ранее этот язык был совершенно неизвестен лингвистам.

Группа джого-джерри, в которую входят несколько дисперсных идиомов, представлена небольшой статьей о джого (М.А. Сапожникова). Автор приступил к полевому изучению джого только в 2014 г., но собранный полевой материал позволил составить первое представление об этом языке.

Генетически неглубокая группа сусу-дьялонке (эти два идиома иногда считают диалектами одного языка) представлена статьей о языке сусу (А.Б. Шлуинский), написанной в основном по публикациям предшественников, данные которых были во многих случаях переинтерпретированы с учетом современных требований лингвистики и с использованием материалов, записанных от информантов.

Статья о сонинке (группа сонинке-бозо) написана А.Ю. Урманчиевой, которая использовала опубликованные материалы предшественников, и Дени Креселем, работавшим с информантами, что позволило внести важные уточнения в описание тональной морфонологии и синтаксиса этого языка.

Восточная группа манде представлена статьей о боко (Е.В. Перехвальская), написанной по материалам публикаций, в первую очередь Р. Джоунза, но отчасти также А. Про и К. Ведекинда.

Выпуск завершается обзорной статьей о письменностях, которыми пользуются языки манде (В.Ф. Выдрин, А. Ровенчак), и картами языков манде (Ю.Б. Коряков, В.Ф. Выдрин).

Таким образом, в выпуске имеются статьи по языкам всех групп семьи манде, за исключением трех — ваи-коно, самого и бобо. Краткие сведения о тех языках, статьи о которых в этот выпуск не вошли, содержатся в обобщающей статье «Манде языки» (В.Ф. Выдрин), где приводится также информация по истории изучения и классификации семьи манде и дается краткий обзор типологических особенностей входящих в нее языков.

Большинство авторов выпуска — выпускники филологического и восточного факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, продолжившие научную карьеру в других университетах или исследовательских учреждениях: Д.И. Идиатов (восточный ф-т СПбГУ — LLACAN, Франция), Т.В. Никитина (восточный ф-т СПбГУ — LLACAN), В.Ф. Выдрин (восточный ф-т СПбГУ — МАЭ РАН — LLACAN — INALCO), А.В. Выдрина (филологический ф-т СПбГУ — LLACAN), А.С. Аплонова (восточный ф-т СПбГУ), Е. В. Перехвальская (филологический ф-т СПбГУ — Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург), М.Л. Федотов (филологический ф-т СПбГУ — Институт лингвистических исследований РАН), Н.В. Кузнецова (филологический ф-т СПбГУ — Институт лингвистических исследований РАН), О.В. Кузнецова (филологический ф-т СПбГУ — Институт лингвистических исследований РАН), Д.Ф. Мищенко (филологический ф-т СПбГУ — Институт лингвистических исследований РАН), М.А. Морозова (филологический ф-т СПбГУ — Институт лингвистических исследований РАН), М.Б. Коношенко (филологический ф-т СПбГУ — Институт языкознания РАН — Институт лингвистики РГГУ).

Велик вклад выпускников московских университетов — МГУ имени М.В. Ломоносова, РГГУ, Высшей школы экономики: Д.А. Паперно (ОТиПЛ, филологический ф-т МГУ — Университет Тренто, Италия — LORIA, Нанси, Франция), А.Б. Шлунинский (ОТиПЛ, филологический ф-т МГУ — Институт языкознания РАН), М.Л. Хачатурьян (ОТиПЛ, филологический ф-т МГУ — LLACAN — University of California, Berkeley, США), А.Ю. Урманчиева (Институт лингвистики РГГУ — Институт языкознания РАН — Институт лингвистических исследований РАН), Н.В. Макеева (Институт лингвистики РГГУ — Институт языкознания РАН), Е.Л. Кушнир (Институт лингвистики РГГУ — Институт языкознания РАН), А.П. Малолетняя (Высшая школа экономики), М.А. Сапожникова (Высшая школа экономики).

Участие иностранных авторов — Дени Креселя (Университет Лиона, Франция) и Андрия Ровенчака (Львовский национальный университет, Украина) — помогло заполнить важные лакуны в описании языков манде.

Несколько слов следует сказать о принятых в томе принципах транскрипции и транслитерации. За основу был взят африканский вариант Международного фонетического алфавита (на котором базируется большинство орфографических систем языков манде); он отличается от универсального МФА главным образом обозначени-

ем палатальных согласных: звонкая и глухая палатальная аффрикаты обозначаются соответственно буквами *j* и *s*, палатальный сонант — буквой *y*. Тоны обозначаются диакритическими значками, в соответствии с конвенциями МФА, следующим образом (в зависимости от количества уровней тонов в системе; на примере гласной *a*).

Обозначение уровней тонов

2 уровня	3 уровня	4 уровня	5 уровней	Значение	Буквенное обозначение
		á	ā	сверхвысокий	yV
á	á	á	á	высокий	V
	ā		ā	средний	S
à	à	à	à	низкий	N
		ä	ä	ультранизкий	yN

Обозначение модулированных тонов

Название	Обозначение	Буквенное обозначение
Нисходящий	â	Nx
Восходящий	ǎ	Vx
Модулированные тоны, для которых значимы уровни		
Средне-падающий	ã	{CH}
Средне-восходящий	ǣ	{CB}

Если в языке с четырех- или пятиуровневой тональной системой есть еще какие-то модулированные тоны, то используются незадействованные диакритические знаки — например, умляут в восточном дан (где различаются 3 падающих тона, с разных уровней на ультранизкий) используется для обозначения сверхвысокого падающего тона, т. е. {yVuN}, а в гбан (где различаются 2 восходящих тона) — для восходящего с ультранизкого на высокий уровни {yNV}. Другие особенности транскрипции оговариваются в статьях.

В данном выпуске используется однострочное и трехстрочное представление глоссированных языковых примеров, основанное на так называемой лейпцигской системе правил (см. <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>). Для языков, отличающихся большими расхождениями между глубинными тонами и поверхностными реализациями тонов, а также сложными морфонологическими правилами, допускается и четырехстрочная подача, позволяющая представить отдельно глубинную форму и поверхностную реализацию.

В отличие от ряда предыдущих томов энциклопедии, в которых была реализована система глосс на русской основе (кириллицей), в данном томе было принято решение использовать глоссы на английской основе в латинской графике. Это решение обусловлено в первую очередь уже устоявшейся традицией российских публикаций по языкам манде.

Можно надеяться на то, что публикация коллективного труда «Языки мира: Языки манде» будет своего рода подведением итогов в области развития отечественной мандеистики, достигшей к настоящему времени значительных успехов. Настоящий выпуск является 21-м в рамках издания «Языки мира». Научное редактирование осуществлялось В.Ф. Выдриным, техническое и типологическое редактирование — Ю.В. Мазуровой и Е.Б. Маркус, общее руководство проектом — А.А. Кибриком.

Редакционная коллегия выражает признательность всем, кто участвовал в подготовке выпуска. Исследования В. Ф. Выдрина осуществлялись в рамках программы «Инвестиции в будущее», поддерживаемой Французским национальным исследовательским агентством (French National Research Agency, ANR-10-LABX-0083, Labex EFL). Мы благодарим за финансовую поддержку проекта Российский гуманитарный научный фонд (исследовательский проект № 04-04-00262а, издательский проект № 15-04-16504д1). На промежуточном этапе исследовательская работа была поддержана грантом Минобрнауки РФ, государственный контракт № 02.740.11.0595.

В. Ф. Выдрин

В. Ф. Выдрин
МАНДЕ ЯЗЫКИ

1. Название семьи — мандé (М.я.); англ., нем. *Mande*, фр. *Mandé*. Введено Сигизмундом Кёлле в его книге *Polyglotta Africana* (1854). Является результатом ошибочного морфемного членения формы *Māndenka* (в написании Кёлле *Mandenga*) ‘житель области Манден’ (*Mānde-nka* вместо *Mānden-ka*, где *-ka* — суффикс названия жителя или выходца из местности).

2. Основной массив М.я. тяготеет к западному сегменту Западного Судана и прилегающей зоне экваториальных лесов (Мали — Гвинея — Кот-д’Ивуар — Сьерра-Леоне — Либерия — Буркина Фасо — Гамбия — Сенегал), занимая континентальную часть региона и кое-где выходя к побережью Атлантического океана. Лишь языки восточной группы, сравнительно малочисленные (биса, кьенга, шанга, буса, боко, бокобару — Западная Нигерия и соседние районы Бенина, Нигера и Буркина-Фасо) оказываются отделены от основного массива М.я. большими расстояниями.

Относительно локализации прародины манде высказывались различные предположения. Уильям Уелмерс (1971) поместил ее на территорию современного Северного Бенина, откуда, по его мнению, носители праязыков разных групп продвигались на запад несколькими миграционными волнами; такая локализация имела целью приблизить прародину манде к гипотетической прародине макросемьи нигер-конго. Кент Бимсон (1976) высказал предположение, что праманде вышли из зоны к западу от р. Черная Вольта, примерно в районе современного г. Бобо-Дьюласо (зап. Буркина Фасо). Дэвид Долби (1971) высказал осторожное предположение, что прародина манде могла находиться где-то на территории современных Либерии и Сьерра-Леоне. Клэр Грегуар и де Халле (1994) модифицировали гипотезу Долби, сдвинув локализацию прародины к востоку: Южная Гвинея — север Кот-д’Ивуара — смежные районы Либерии и Сьерра-Леоне, поскольку именно в этой зоне оказывалось представлено большинство групп семьи (юго-западная, южная, манден, сусу-дьялонке). В работе В.Ф. Выдрина (2009), с опорой на данные археологии и палеоклиматологии, предлагается поместить прародину манде в Южной Сахаре, между 16° и 18° СШ, 3° и 12° ВД, откуда предки различных групп постепенно мигрировали на юг по мере высыхания Сахары.

Главным источником лингвистических данных по истории М.я. остаются результаты глоттохронологических исследований; полноценная лексическая реконструкция праманде до сих пор не сделана, что затрудняет использование метода “*Wörter und Sachen*” («Слова и вещи»). Его применение осложняется и тем, что большинство групп семьи манде (практически всех, за исключением восточной) находится в зоне влияния больших языков группы манден, так что отличить прямой рефлекс праязыкового корня в каком-то языке от позднего заимствования из манден на современном уровне компаративистской проработки не всегда возможно. При этом лексика языков восточной группы, которые испытали наименьшее влияние манден и потому могут считаться опорными для лексической реконструкции праманде, в сравнительном отношении остается практически неизученной.

В данном томе более 20 идиомов описаны в виде отдельных статей, при этом некоторые из этих языков (гбан, гоо, дан, какабе, кла-дан, муан, уан, яурэ) до сих пор не имели целостных грамматических описаний, а для многих других существовали только устаревшие грамматики, что объясняет необходимость более детальных языковых описаний. Всего же число М.я. превышает 70 (более точное число дать затруднительно, поскольку статус многих идиомов остается неопределенным).

Ниже приводится полный список М.я., сгруппированных по генетическому принципу. Названия тех из них, по которым в томе имеются статьи, даны малыми прописными буквами; по таким идиомам здесь даются минимальные сведения. Сведения по остальным идиомам даны в более полном формате; для них в списке литературы к данной статье указаны основные источники.

Выделяются две ветви М.я. — западная, в которую входит большинство групп нижнего таксономического уровня, и юго-восточная, состоящая из двух групп (см. схему на с. 1140).

Западная ветвь

Группа манден представляет собой диалектно-языковой континуум, в котором «языками» обычно считают идиомы, для которых имеется/создается нормативный вариант и письменная норма, при этом провести географические границы между такими «языками» часто затруднительно из-за наличия переходных говоров. В рамках идеологии культурно-просветительского движения нко манден считается одним языком (а входящие в него идиомы — диалектами; впрочем, идеологи нко нередко включают в число «диалектов нко» и бесспорно самостоятельные языки других групп, такие как ваи или коно). В лингвистических классификациях выделяют две подгруппы манден: северо-западную и восточную.

Северо-западная (западная) подгруппа манден

Наиболее яркий признак — вокалическая система из пяти гласных.

МАНДИНКА, 1,5 млн говорящих (2012) в Гамбии, Сенегале и Гвинее-Бисау.

(Западный) манинка-хасонка, 700 тыс. чел. в Мали (округа Кай, Бафулабе, Кениеба области Кай), 120 тыс. в Сенегале (области Кедугу и Тамбакунда) и на востоке Гамбии (округ Верхняя Река). Часто хасонка (хасонке) рассматривают как отдельный язык (и в Мали он включен в число «национальных языков», разрабатывается его письменная норма), однако его отличия от соседних диалектов западного манинка минимальны. Крайне западный диалект, манинка р-на Ньюколó, является переходным к мандинка. Вариантом этого языка может считаться и джаханка — совокупность идиомов дисперсной этнопрофессиональной группы купцов-богословов, селения которых встречаются в Сьерра-Леоне, Гвинее, Гвинее-Бисау, Сенегале, Гамбии, Мали. К западной группе манден относится и идиом дьялонка на крайнем северо-востоке Гвинеи (не путать с языком дьялонке, близкородственным сусу).

Манинка Китá (северный манинка), сельская местность вокруг г. Китá, Мали (в самом г. Кита теперь говорят на бамана), с диалектом багэ в более северных районах (в первую очередь в регионе Каарта́). Манинка Киты по многим чертам близок к гвинейскому (южному) манинка и к бамана.

Кагорó (каколó), самоназвание: *kàgoro*. 15 тыс. говорящих (2001 г., оценка), распространён дисперсно в регионах Каарта-Бине и Гумбу (Мали). Западные диалекты кагоро очень близки к диалекту баге северного манинка, с которым кагоро образует

единый диалектный континуум. Большинство кагоро двуязычны на бамана и/или сонинке; их язык находится под угрозой исчезновения.

Восточная подгруппа манден

Языки с 7-гласными вокалическими системами.

БАМАНА́, до 4 млн говорящих как на первом языке, более 10 млн — как на втором, в основном в Мали и в диаспоре.

Дьюла́ (самоназвание: *jùla*). Под этим лингвонимом понимаются разные сущности: 1) «межэтнический дьюла», лингва франка (который может считаться региональным вариантом бамана), широко распространенный в Кот-д'Ивуаре (до 12 млн говорящих, в первую очередь на севере страны, а также во всех крупных городах) и Буркина Фасо (до 3–4 млн, в основном к западу от р. Черная Вольта); 2) совокупность территориальных идиомов манден обеих этих стран, которые (особенно ивуарийские) следует рассматривать как часть общего диалектного континуума манден, продолжающегося на территории Мали и Гвинеи. В Кот-д'Ивуаре выделяют следующие идиомы: барала́, бодугу́, вандугу́, уодженека́, уородугу́, гбелеба́н, кани́, каранджа́н, кояга́, коро́, дьюла́ Конга́ (кпонка́), мау́, нафана́, ни́гби, ноуоло́, сага́, самого́ (не путать с группой языков самого́!); сияга́, сиенко́, тенён, тудугу́, финан́, фоло́. Для некоторых из них протестантские миссионеры разрабатывают письменные нормы: мау, уородугу, уодженекакан, коро, койага. Общее число говорящих на этих идиомах в Кот-д'Ивуаре оценивается в 1,5 млн чел. Территориальный вариант дьюла в Буркина Фасо близок к дьюла Конга, что объясняется исторически: западная часть Буркина Фасо в XVIII–XIX вв. входила в зону контроля политического образования с центром в г. Конг.

Манинка́-мори́ (гвинейский манинка, южный манинка, малинке́), 3 млн говорящих как на первом языке (2012 г., оценка), главным образом в Верхней Гвинее, Лесной Гвинее и Конакри. Широко используется как язык межэтнической коммуникации в Гвинее, особенно в Лесной Гвинее; число владеющих манинка как неродным языком сопоставимо с числом тех, для кого он является родным. Имеются значительные диаспоры гвинейских манинка в Либерии и Сьерра-Леоне (где существует и компактная зона манинка близ г. Кабала). Диалекты: аманá (хаманá), собственно манинка́-мори́, гбереду́, балия́, вулада́, колонколан, торо́н; переходные к восточному манинка — уасоло́н, сакодугу́, конедугу́; переходный к коранко́ — санкара́н-манинка́. Манинка-мори выступает в роли базы для нормативного варианта гвинейского языка манинка и письменной нормы манинка, которая развивается главным образом в графике нко. Эта письменная норма активно распространяется и за пределами Гвинеи (особенно в Мали), следствием чего может стать, в перспективе, превращение гвинейского манинка в письменный язык значительной части языкового сообщества манден.

Восточный манинка́ (манинка́-кангаба́, манинка́-сигири́) — совокупность малийских идиомов манинка с 7-гласными вокалическими системами, а также северо-восточных диалектов Гвинеи. Число говорящих в Мали оценивается в 600 тыс. чел. (2012), по Гвинее данных нет. Диалекты: в Мали — кангаба́, бирго́, уасоло́н; в Гвинее — бурён, кене́-мандён, секё, барака́, горо́, менье́, нугá, джомá-нукун, кулибалидугу́, уасоло́н, джомá-уэньё. Не имеет нормативного варианта; можно прогнозировать постепенное вытеснение малийских диалектов восточного манинка языком бамана (несмотря на то, что в Мали манинка включен в число «национальных языков»). В Гвинее грань между восточным и южным манинка нечеткая. Отделение восточного манинка от южного в значительной мере искусственно.

Конья́ (коньянка́), 250 тыс. чел., в основном в префектурах Бейла и Керуане в Гвинее, также в Либерии (около 40 тыс. чел.). Диалекты: ко́нья, гбеека́, гбасандо́, уоро-

дúу, карагба́ (последний — в супрефектуре Лола провинции Нзереборе; носители этого диалекта владеют также кпелле). Конья близок к гвинейскому манинка по лексике и грамматике, отличаясь от него в сфере сегментной фонетики, а также тональной инверсией. Имеющиеся данные по конья ограничиваются диалектной анкетой А. В. Давыдова (см. статью «Манден диалекты Гвинеи» в наст. издании).

Манья́ (маньянка́), распространен в г. Масента (Масанта) и прилегающей сельской местности в Лесной Гвинее. По многим характеристикам близок к конья.

Марка-дафин́, группа идиомов в районе буркинийско-малийского пограничья, в т. ч. бон/болон́, марка́, дафин́, меека́, манинка́. Число говорящих — не менее 25 тыс. в Мали и 200 тыс. в Буркина Фасо. К марка-дафин близок идиом марка-джалан́, на котором говорят в окрестностях г. Сан в Мали. Идиомы марка-дафин весьма существенно отличаются от «стандартных» вариантов бамана и буркинийского дьюла фонологией (в частности, для них характерна тональная инверсия), что делает их невзаимопонимаемыми с последними. Кроме того, эти идиомы значительно различаются и между собой. Для марка р-на Заба имеется грамматика Андре Про; меека описан Каримом Траоре; имеется также сравнительное исследование различных идиомов марка-дафин, сделанное Мохамату Диалло.

Г р у п п а м о к о л é (название группы составлено из первых слогов названий языков могофин, коранко и леле) состоит из четырех миноритарных языков, три из которых локализируются в Гвинее, а один (коранко) — в Гвинее и Сьерра-Леоне. Языки моколе подверглись сильному влиянию манинка (который при этом является их близким родственником), и их нередко относят к группе манден, хотя по некоторым ключевым изоглоссам (наличие суффиксного артикля *-E*; соответствие моколе *s-* — манден *l-*, *d-*; моколе *k-* — манден *s-*), а также по базовой лексике они оказываются ближе к группе ваи-коно.

На могофин (самоназвание — *mògòŋfin*, букв. 'черный человек' на могофин; известен также под названием микифорé, *mìxifòrè*, что означает 'черный человек' на языке сусу) говорят не менее 20 тыс. чел. примерно в 70 деревнях на крайнем северо-западе Гвинеи, к юго-западу от г. Боке, в супрефектурах Колабуи и Бинтимодиа. В соответствии с устной традицией, предки могофин переселились на эту землю из центральных районов Фута-Джаллона после религиозных войн XVIII в. и возникновения фульбского военно-теократического государства. Могофин очень близок к языку какабе (они могли бы считаться диалектами одного языка, если бы их носители не обладали отдельным этническим самосознанием). Могофин изучают протестантские миссионеры, имеется небольшая грамматика и словарь; они занимаются также изданием литературы и ликвидацией неграмотности на могофин. Многие могофин пишут на своем языке арабографическим письмом (аджами).

КАКАБÉ, порядка 50 тыс. говорящих на нагорье Фута-Джаллон (Гвинея).

Коранкó (куранкó; самоназвание: *kuranko*, *koranko*). Более 200 тыс. говорящих в Сьерра-Леоне (2006, *Ethnologue*: 268 тыс. чел.; перепись 2004 г.: 202 699 чел.), главным образом в Северной провинции; 55 200 (1991) в Гвинее. Некоторые гвинейские диалекты находятся под сильным влиянием манинка, которое сказывается на их лексике и морфологии. Санкарáн-манинка́ проявляет черты идиома, переходного между коранко и манинка. Имеется грамматика, словарь и небольшой корпус текстов, опубликованные Раймундом Кастенхольцем; в Сьерра-Леоне на коранко издается литература.

Лéле (самоназвание: *lele*), 23 тыс. говорящих (оценка 1993 г.) в префектурах Кисиду́гу и Гекеду́ (Лесная Гвинея). Носители леле живут в окружении киси, с которыми

они поддерживают тесные контакты (многие даже считают, что леле — часть этнической группы киси), однако какого-то существенного влияния языка киси (входящего в языковую семью мел) на языковую структуру леле не обнаруживается. Предположительно выделяются северная и южная группа диалектов (южные диалекты отличаются выпадением срединного *-r-*). Единственными публикациями по леле остаются две статьи В. Ф. Выдрина (2009, 2010).

Г р у п п а в а и - к о н о

Ваи (вэй, галинас, самоназвание: *váí*). 140 тыс. чел. на крайнем северо-западе Либерии (перепись 2008 г.) и 2,5 тыс. чел. на крайнем юге Сьерра-Леоне. Выделяют диалекты гаула, тэуо, галинас, различия между которыми невелики. Ваи известны своим оригинальным силлабическим письмом, изобретенным в 20-е гг. XIX в., которое используется до сих пор, в т. ч. и для публикации христианской литературы. Грамматика и словарь ваи, опубликованные в 1854 г., стали одними из первых описаний М.я. После этого появились еще несколько грамматик ваи — Ричарда Хейдорна, Августа Клингенхейбена, Уильяма Уелмерса. Имеется также неопубликованный словарь Уелмерса (с обозначением тонов).

На коно (самоназвание: *кпнэ*) говорят 218 тыс. чел. (перепись 2004 г.) на востоке Сьерра-Леоне. Описан недостаточно; имеется небольшой англо-коно словарь А. Лессау и Р. Кастенхольца, а также неопубликованные миссионерские материалы по грамматике. Коно близок к ваи по лексике, однако диахронические изменения в фонологии затрудняют взаимопонимание между двумя языками.

Дамá — вымерший язык на юге Сьерра-Леоне (вождество Дама к югу от города Кенема), носители которого перешли на менде к середине XX в.; сохранившиеся языковые данные минимальны.

Г р у п п а д ж о г о - д ж е р и

ДжОГО (лигби, нуму, хвела), около 4 тыс. говорящих. Группа диалектов на крайнем востоке Кот-д'Ивуара (джого, дер. Соку) и в смежных р-нах Ганы (лигби, нуму, хвела).

Джэли (джэри, самоназвание: *jeri, jeli*) — дисперсный язык касты ремесленников (кожевников, гончаров) на северо-востоке Кот-д'Ивуара. Описан Х. Требсом (без тоновой нотации); имеется сравнительный диалектный словарь Р. Кастенхольца.

Джалкуна (бле) — около 500 говорящих, язык дер. Бледугу и Собара (в последней большинство бле уже перешли на язык сенуфо) на крайнем юго-западе Буркина Фасо (область Каскады, провинция Лераба, департамент Лумана), известен в основном по небольшой статье А. Про и по социолингвистическому исследованию Дж. и К. Бертелет. Выделяется среди других М.я. наличием разных одушевленного и неодушевленного (или, возможно, личного и неличного) местоимений 3-го лица единственного числа.

Г р у п п а с у с у - д ь я л о н к е

Сусу́ и дьялонкэ иногда считают диалектами одного языка, но взаимопонимание между ними затруднено. По-видимому, еще три века назад предки нынешних сусу и дьялонке населяли значительную часть Фута-Джаллона, и зона их расселения была непрерывной. Их разнонаправленные миграции на периферию и за пределы Фута-Джаллона стали результатом религиозных войн и образования теократического государства фульбе в XVIII в.

Сусу́ (сосó), не менее 1,1 млн говорящих, в т. ч. 141 тыс. в Сьерра-Леоне, остальные в Гвинее.

Дьялонké (ялунка́; самоназвание: *jalonke, yalunka*), дисперсный язык, носители которого (до 200 тыс.) живут в Гвинее, Сенегале, Мали и Сьерра-Леоне (34 тыс., перепись 2004 г.) более или менее крупными анклавами к северу, северо-востоку и юго-востоку от нагорья Фута-Джаллон; несколько деревень дьялонке имеются и на севере Фута-Джаллона. Один из северных говоров (утративший тоны) описан Фредерике Люпке, северо-восточный (малийский) диалект — Дени Креселем (словарь) и Бонифасом Кейта (статьи по некоторым аспектам грамматики), материалы по южному варианту (ялунка) собраны (но не опубликованы) миссионером Грегори Пруэтом.

Юго-западная группа

Языки этой группы локализируются в Лесной Гвинее, в северной половине Либерии и в Сьерра-Леоне. По-видимому, предки носителей этих языков мигрировали в зоны их сегодняшнего распространения в XVI–XVII вв. в ходе т. н. «вторжений мани» из р-на на границе Верхней Гвинеи и Лесной Гвинеи (примерно в зоне Бейла — Керуане). Юго-западные манде резко выделяются среди других групп манде своими системами грамматикализованного чередования начальных согласных. От большинства других групп западной ветви манде они отличаются развитой фузией в прономинальной системе.

Мéнде (мéнди, кóсо; самоназвание: *mèndé*) — самый крупный по числу говорящих язык юго-западной группы: 1587 тыс. чел. в Сьерра-Леоне (перепись 2004 г.) и 46,5 тыс. чел. в Либерии (перепись 2008 г.); кроме того, в Сьерра-Леоне не менее 600 тыс. чел. говорят на нем как на втором языке. Менде одноязычно доминирует в юго-восточной половине страны, уступая первенство только крио. Выделяют диалекты коо (наиболее изученный), кпаа, сеуа (севама), вандажама. Описанию менде посвящено значительное число работ; на нем выходит литература.

Кпéлле (в Гвинее также — герзé) — самый крупный язык в Либерии (705 тыс. чел., перепись 2008 г.; 760 тыс. чел., оценка 2012 г.) и четвертый по числу говорящих в Гвинее (460 тыс. чел., оценка 2012 г.). Иногда либерийский и гвинейский кпелле рассматривают как разные языки. При всех различиях (регулярные соответствия $s : h$, $z : j$, существенные расхождения в тональных и прономинальных системах и др.) было бы правомернее все же говорить о едином диалектном континууме («макроязыке»), но формирование двух письменных норм, либерийской и гвинейской, является фактором дивергентного сценария. Статья о кпелле, представленная в данном томе, описывает гвинейский диалект.

Лоóма (в Гвинее также — томá) распространен в Лесной Гвинее (220 тыс. чел., оценка 2012 г.) и в провинции Лоффа в Либерии (178 тыс. чел., перепись 2008 г.; 195 тыс. чел., оценка 2012 г.). Аналогично кпелле, лоома представляет собой диалектный континуум-«макроязык» с двумя формирующимися письменными нормами, гвинейской (на основе диалекта во́и-балага́) и либерийской, довольно существенно различающимися. Статья, представленная в данном томе, описывает гвинейский диалект вои-балага.

Ло́ко распространен на севере Сьерра-Леоне, где на нем говорят 126,5 тыс. чел. (перепись 2004 г.).

На ба́нди (самоназвание: *bàndí*) говорят 105 тыс. чел. (перепись 2008 г.) в провинции Лоффа на крайнем севере Либерии. Различия между диалектами (вавома, вулукоха/вукоха, лукасу, нголахун, явиазу/хембе) невелики. Имеется неопубликованный словарь, составленный миссионерами, и несколько грамматических описаний.

На зиало́ (самоназвание: *zìàlò, zìyàlò* название на лоома: шиалу́) говорят 25 тыс. чел. (оценка 2010 г.) в 45 деревнях в префектуре Масента. До 2010 г. считался диалектом лоома. Имеются грамматика и словарь, составленные К. В. Бабаевым.

Г р у п п а с о н и н к е - б о з о

На СОНИНКЕ́ говорят более 2 млн чел., в т. ч. в Мали — более 1,3 млн, в Мавритании — 180 тыс., в Сенегале — 378 тыс. (оценка 2010 г.), в Гамбии — 165 тыс. (оценка 2010 г.), имеется многочисленная диаспора в Европе, Северной Америке, во многих африканских странах. Сонинке был языком правящей элиты Древней Ганы (Уагаду), первой из великих западноафриканских «империй», чем объясняется проникновение большого числа заимствований из сонинке во многие языки Западного Судана.

Бозо́ представляет собой группу из четырех близкородственных языков, распространенных во внутренней дельте Нигера (Мали). В Мали бозо включен в число «национальных языков» (как нормативный вариант рассматривается тигемахо). Общее число говорящих — до 230 тыс. чел. (перепись 2011 г.: 169,5 тыс., не считая детей младше 6 лет). По-видимому, на прабозо говорили носители урбанистической культуры Дженне-Дженно (V в. до н. э. — XII в. н. э.). В работах колониального периода (Шарль Монтей; Даже, Конипо и Сананкуа) бозо описывался как один (полидиалектный) язык; после исследования Смельцеров (1995) бывшие «диалекты» стали рассматривать как разные языки: тигемахó (тиемахó, тиеяхо), с центром в Диа, наиболее престижный; дженнамáа (сорогамá), внутри которого выделяется большое количество диалектов; келингá (в некоторых публикациях фигурирует под названием хаиньяхó), самый западный из языков бозо, в наибольшей степени подвергшийся влиянию бамана; тиéma-чевé, лингвистически близкий к тигемахо, локализуемый к северо-востоку от остальных языков бозо, у озера Дебо.

Г р у п п а с а м о г ó включает в себя пять языков, носители которых живут по обе стороны от границы между Мали и Буркина Фасо в южном ее секторе. Самый крупный по числу носителей язык (около 70 тыс. чел., оценка 1998 г.) — дуун (дуунгó), к югу от Сикасо (Мали). Близок к нему (но не взаимопонимаем с ним) дзуун (14 400 говорящих, оценка 1998 г.), с двумя диалектами — кпан (самогó-гуан, северный) и собстенно дзуун (самогó-ири, южный) к северу и югу от Ородара (Буркина Фасо). Близок к дзуун идиом кпеегó (кпееен, статус которого, по причине малой изученности, не вполне ясен), на котором говорят члены касты кузнецов, проживающих в иноязычном окружении на западе Буркина Фасо, в деревнях Кангура, Синду, Кангалаба, Самогоири, Негени, Тимба, Турни, Серекени, Куриньон, Дьигира, Туссиана, Ородара, Бандугу, Ньянголоко, Летифесо, Дангуиндугу. На чуть большей лингвистической дистанции находится банкá (6 тыс. говорящих, по оценке 2007 г., в 4 деревнях к северу от Сикасо, Мали). Эти языки образуют тесную подгруппу.

Значительно дальше, в лингвистическом отношении, отстоит се́енку (семблá), на котором говорят 17 тыс. чел. (оценка 1995 г.) в районе между Ородара и Бобо-Дьюласо (Буркина Фасо). Выделяют по крайней мере два диалекта — северный (тимику) и южный (гбенеку).

Еще дальше от всех других самого отстоит джовулу́, язык 10–15 тыс. чел. (оценка 2004 г.), живущих по обе стороны малийско-буркинийской границы, к юго-востоку от Лулуни. Джовулу — единственный из М.я., где имеются различные формы для личных местоимений мужского и женского рода 3-го лица, при этом в 3-м лице (в единственном и множественном числах) имеются также особые формы местоимений для не-людей.

Язык бобó (бобó мадарé, бобó-ф́ин, самоназвание: *b̀b̀b̀*) занимает широкую полосу, вытянутую от Бобо-Дьюласо в меридиональном направлении к малийской границе. Можно говорить о двух языках, взаимопонимание между носителями которых за-

труднено: южном бобо (диалекты *сиá* (*siè*), бенгé (*bèŋě*), ворé (*vɔre*), зарá (*zara*), согó (*sɔgɔkire*), сьá-да (*syã-da*), сьякома (*syakôma*), ба (*ba*) в Буркина Фасо с центром в Бобо-Диуласо (150–180 тыс. чел.) и северном бобо (диалекты *ябá* (*yebɛ*), джерé (*jere*), ку (*ku*), курé (*kure*), сан (*sã*), танкрí (*tinkire*), бана (*baná*) в Буркина Фасо (35 тыс.) и соседних р-нах Мали (15–20 тыс.). По классификации Кастенхольца, бобо считается ближайшим родственником группы самого, однако вполне возможно, что многие объединяющие их изогlossы являются результатом поздних заимствований, а не общих инноваций.

Юго-восточная ветвь

В некоторых классификациях — «восточная». Включает две группы — южную и восточную.

Языки южной группы распространены в основном в полосе, разделяющей северную и южную половины Кот-д'Ивуара, а также на крайнем юго-востоке Гвинеи и на северо-востоке Либерии.

Наиболее крупным языком (точнее, макроязыком) является ДАН; на нем говорят не менее 1,3 млн чел. в Кот-д'Ивуаре (оценка 2012 г.) и 277 тыс. в Либерии (перепись 2008 г.); около 2 тыс. кла-дан проживают в Гвинее (оценка 2016 г.). В Либерии его обычно называют гюо, в Кот-д'Ивуаре — якубá (при этом название якуба обычно не распространяют на кла-дан, и носители кла-дан сами себя к якуба не причисляют). Формируются три письменные нормы дан: либерийская, западная и восточная ивуарийские (ивуарийские нормы — на базе диалектов бло и гуэ́та́); можно ожидать в дальнейшем также возникновение четвертой письменной нормы для КЛА-ДАН.

На МА́НО (самоназвание *máá*) говорят по обе стороны гвинейско-либерийской границы: в графстве Нимба, в Либерии — 273 тыс. чел. (перепись 2008 г.; оценка 2012 г. — 305 тыс.), в Лесной Гвинее — 85 тыс. (оценка 2012 г.).

ТУРА́ (самоназвание *wɛ̀ɛ̀*) распространен в департаменте Бьянкума области Тонкпи округа Монтань на западе Кот-д'Ивуара. Число говорящих — около 50 тыс.

ГОО (самоназвание *gũũ*, англ. *Goo*, фр. *goo, goh*), 7–8 тыс. чел. (оценка 2015 г.) в 9 деревнях в области Тонкпи, к северу от г. Ман.

ГУРО́ (самоназвание *gòlò*, фр. *gouro*, англ. *Guro*), до 500 тыс. говорящих в округах Сасандра-Марауэ и Го-Джибуа в центре Кот-д'Ивуара (оценка 2015 г.).

ЯУРЭ́ (самоназвание *jɔ̀wèlè̀*, фр. *yaouré, youré*), около 25 тыс. говорящих (оценка 2015 г.) в супрефектуре Буафле, департамент Буафле, между городами Буафле и Яму-сукро, на правом берегу р. Бандама.

МУА́Н (самоназвание *mùà*; фр., англ. *Mona, Mwan*), около 20 тыс. говорящих (оценка 2014 г.) в департаментах Кунаири и Манконо области Бере.

УАН (самоназвание *wàn*, фр. *wan, ouan, nwa, nwan*, англ., нем. *Wan, Nwa*), 30 тыс. говорящих (оценка 2014 г.) в супрефектуре Кунаири области Бере и супрефектуре Беуми области Гбеке.

ГБАН (самоназвание *gbáá*, фр. *gban, gagou*; англ. *Gban, Gagu*), 55 тыс. говорящих (оценка 2013 г.) в департаменте Уме, обл. Го в центре Кот-д'Ивуара.

БЕН (самоназвание *bèj*, фр. *beng*, англ. *Beng*), 28 тыс. говорящих (оценка 2015 г.) в департаменте М'Баякро в центрально-западной части Кот-д'Ивуара.

Нген (самоназвание *ngen*), 765 говорящих (данные 2014 г.) в дер. Джонкрó (департамент Прикро области Иффу, центрально-западная часть Кот-д'Ивуара, к востоку от зоны языка бен). Считался диалектом бен (чему способствовала путаница с этнони-

мами); в 2014 г. было установлено, что носители нген отчетливо осознают свою этническую и языковую идентичность, отличную от бен. Практически все нген владеют также андо (диалектом бауле), многие (особенно представители младших поколений) перешли на него полностью. Язык находится под угрозой исчезновения.

Гбин (известен под названиями *Bĩ*, на аброн: *Gbĩñfo*, на куланго и нафанá: *gurungo*, *gorombo*), вымерший язык, существовавший до начала XX в. к востоку и западу от г. Бондуку (крайний восток Кот-д'Ивуара). Известен по сравнительным работам Мориса Делафоса (1904) и Луи Токсье (1921), данные которых были проанализированы Д.А. Паперно (2012).

Языки восточной группы юго-восточной ветви локализируются в основном в Буркина Фасо и в Нигерии, а также в прилегающих зонах Ганы, Нигера и Бенина. До середины-конца XX в. обычно речь шла о трех языках (сан, биса, боко-буса, при этом сан нередко смешивали с языками самого). В дальнейшем было установлено, что каждый из них — диалектно-языковой кластер; особняком стоят языки кьянга и шанга.

Кластер сан (самó), провинции Суру и Наяла на северо-западе Буркина Фасо: общее число говорящих — 200–250 тыс. чел. (оценка 1992 г.). Достаточно отчетливо выделяется южная зона, с центром в Тома, сравнительно гомогенная в диалектном отношении; эту часть кластера можно считать языком сан (или «южным сан», также «мака»). По (южному) сан опубликован словарь, составленный протестантскими миссионерами; имеется диссертация и многочисленные статьи С. Платъель. Важное значение имеют неизданные работы Моиза Паре о морфологии имени и глагола в сан. Полевое изучение этого языка ведет Е. В. Перехвальская.

Северная часть кластера (которую иногда называют условно «подгруппой санé») демонстрирует значительно большее диалектное разнообразие. Здесь традиционно выделяли три группы диалектов, которые можно считать языками; за ними закрепились предложенные С. Платъель названия-шибболеты, по фразе со значением «я говорю»; теперь (по предложению Э. Эбермана) предлагается деление на четыре группы/языка, с названиями по сторонам света: майя́ (*matya*, также «северо-восточный сане»), р-н Киембара и Бангасого), ма́чэ (*matya*, *matye*, также «северо-западный сане»), ма́ча́ (*masaa*), который по предложению Э. Эбермана предлагается разбить на два диалектных пучка/языка: «южный сане», с центром в г. Туган, и «центральный сане». Изучением идиомов сане много занимался Э. Эберман, однако лишь небольшая часть его материалов опубликована. Имеются неизданные словари мача и майя, составленные протестантскими миссионерами.

Кластер б́иса (самоназвание: *bisà*, фр. *bissa*, англ. *Bisa*, море *busa*) локализуется на юго-востоке Буркина Фасо, в провинции Булгу; этническая зона биса захватывает также небольшой смежный район Ганы и Того. Всего число говорящих на биса в Буркина Фасо достигает 342 тыс. чел. (оценка 1999 г.), в Гане — 120 тыс. (оценка 1991 г.), при этом до 30 тыс. ганских биса живут компактно, остальные — дисперсно.

Выделяют две группы диалектов (которые могут рассматриваться и как два языка): леб́ир, или западный, который в свою очередь подразделяется на диалекты ле́бри (северный), северо-восточный ле́ре и юго-западный ле́ре, и восточный биса — барка́. Число говорящих на лебир оценивалось в 2001 г. в 208 тыс. чел., на барка — в 134 тыс. чел. Главные источники по лебир — диссертация и словарь Б. Ванхудт, а также диссертация А. Надена; по барка — старая публикация А. Про; опубликованы также результаты диалектологического обследования Р. Фосена и Х. Шрайбера. Для понимания тональной системы лебир важны неизданные работы Р. Хиддена.

Кластер боко-буса: главный источник по этим языкам — работы Р. Джоунза (сводная грамматика по трем языкам; словари по каждому из этих языков). В более ранних публикациях эти идиомы обычно рассматривались как диалекты одного языка.

Бóко (самоназвание *bðkɔ* в Нигерии, *bðó* в Бенине), 155 тыс. говорящих, в т. ч. около 100 тыс. на северо-востоке Бенина и 55 тыс. на северо-западе Нигерии (оценка 2013 г., штаты Нигер и Кебби).

Бокóбару, 75 тыс. говорящих (оценка 2016 г.) в г. Каиама и окрестностях, в штате Квара в среднезападной части Нигерии, между р. Нигер и границей с Бенином. Диалект г. Каиама по некоторым изоглоссам сближается с языком буса (что проявляется в лучшей сохранности интервокальных согласных), а деревенские диалекты, *zəgbēyā* — с языком боко.

Буса, 50 тыс. чел. (оценка 2016 г.) в р-не г. Нью-Буса, к востоку от боко и бокобару, в штате Нигер.

Илло-буса, 20 тыс. чел. (оценка 2016 г.) в р-не г. Илло (более чем на 100 км севернее зоны буса), в штате Кебби. В лингвистическом отношении илло-буса оказывается несколько ближе к боко, чем к буса.

Кьянга и шанга — близкородственные языки (72% когнатов в 100-словном списке базовой лексики), они образуют подгруппу, близкую подгруппе боко-буса. Оба языка находятся под угрозой исчезновения, вытесняясь соседними языками — хауса, зарма, боко, буса, денди. По оценке Р. Джоунза, в 2016 г. на кьянга говорили около 20 тыс. чел. в 5 деревнях в штате Кебби в Нигерии и одной деревне (Тунган-Нома) в Бенине, при этом почти все они — билингвы на хауса и/или зарма; в то же время число этнических кьянга оценивается более чем в 200 тыс. чел. (число кьянга, утративших свой язык: 110 тыс. в Нигерии, 70 тыс. в Нигере, 15 тыс. в Бенине). На шанга говорят около 7 тыс. чел., при этом насчитывается еще 13 тыс. этнических шанга, утративших свой язык.

3. С большой долей условности число говорящих на М.я. как на родных можно оценить как минимум в 25 млн чел.; около 30 млн чел. используют их как вторые (эти два множества частично пересекаются; например, для человека первым языком может быть кпелле, а для межэтнического общения он может использовать манинка).

Степень сохранности большинства языков хорошая, лишь немногие из них (какабе, нген, кьянга, шанга, кагоро, джери) находятся под угрозой исчезновения.

4. Впервые манде как языковая семья была выделена Сигизмундом Кёлле под названием «северо-западная верхнесуданская семья, или манденга» (он же первый употребил название манде). Ниже названия языков даются в орфографии автора классификации; в квадратных скобках — комментарии автора данной статьи, имеющие целью соотнести те или иные лингвонимы или особенности классификации с современными представлениями.

1a. *Mandén ga/Mánde*, b. *Kābún ga* [язык конфедерации Кабу, т. е. мандинка], c. *Torón ka* [диалект торон гвинейского манинка], d. *Dşálun ka* [вариант гвинейского манинка, локализовавшийся на Фута-Джаллоне], e. *Kán kán ka* [диалект манинка г. Канкан, т. е. манинка-мори]. 2. *Bámbara/Bámbaran*. 3. *Kòno*. 4. *Vei* [вай]. 5. *Sóso* [сусу]. 5a. *Sólima* [ялунка Сьерра-Леоне, области Солима]. b. *Kisekise* [диалект сусу на севере Сьерра-Леоне]. 6. *Tene* [один из диалектов сусу на севере Сьерра-Леоне]. 7. *Gbándi* [банди]. 8. *Lándõrõ* [локо]. 9. *Ménde/Kóso*. 10. *Gbése/Gberése* [гвинейский кпелле]. 11. *Toma/Búse* [лоома]. 12. *Máno/Mána/Mā* [mano]. 13. *Gĩo* [дан]. Язык сонинке (*Gadşága/Seręhúle/Serawooli*) был помещен Кёлле в «неклассифицируемые западноатлантические языки», а боко (*Bóko*) — в «неклассифицируемые верхнесуданские».

Следующий важный шаг был сделан Морисом Д е л а ф о с о м (1901), который предложил бинарную внутреннюю классификацию М.я. (по форме числительного 10), разделив ее на две группы:

I. Манде-тан: malinké (западный, южный, северный) [манинка], bambara/bamana, dyoula, soninké/sarakolé, maniāka [манья, идиом манден на севере Либерии и в р-не Масанта в Гвинее; Делафос сближает с ним koniā-ka, т. е. конья, и guo-mande, т. е. мау], ouassoulunké [уасолон, идиом манден на границе Мали и Гвинеи], sidianka [Делафос поясняет, что речь идет об идиоме, распространенном на юго-востоке Португальской Гвинеи, близком к манинка, однако не приводит языковых примеров], vai/vèu (который является тем же языком, что и ligbi/ligouy) [Делафос не имел языковых данных по лигби и идентифицировал их с ваи, ссылаясь на свидетельство Бинже, а также исходя из своих представлений о миграциях народов манде. Введенная Делафосом традиция объединения языков ваи и лигби-хвела в одну группу продержалась много десятилетий; в реальности генетическая дистанция между ними велика], khassonké.

II. Манде-фу: soso, diallonké, kpélé, guio [дан], mendé/mendi, loma/toma, loko/landorho, manon, oueïma [уейма, один из гвинейских диалектов лоома], mouin/mona [муан], kouéni/gougo.

Бинарное деление на «тан» и «фу» оставалось общепризнанным до середины XX в., при этом по мере накопления языковых данных список языков рос, а классификация усложнялась. В 1904 г. сам Делафос предложил отделить от манде-тан группу манде-таму (соответствует современной группе сонинке-бозо), а в рамках манде-тан выделить четыре подгруппы. Его классификация семьи манде 1904 года приобрела следующий вид:

I. Манде-таму: soni-ñke, marka-ñke [название сонинке на многих языках манден]; azer [северный диалект сонинке]; bozo/boso.

II. Манде-фу: soso, susu; lãngã, sako (dyaḷõñka); loko/landorho; mende/mendi; loma/toma; wëima; kpêle/gberese; gbêle/manḍ [не вполне понятно, почему Делафос приписывает ману этнониму gbêle; по-видимому, результат путаницы с кпелле, с которыми ману соседствуют]; guo/guowî [дан; происхождение этнонима guowî непонятно]; kweni (lò, guro) [гуро]; mwî/mwã [муан]; ngã [возможно, нген]; gbî/bî [гбин, ныне вымерший]; sya [бобо].

III. Манде-тан:

1-я подгруппа: numu-kpera; ligbi-kpera; hüela-kã; vèu [по-видимому, ваи];

2-я подгруппа: gyüla-kã [дьюла];

3-я подгруппа: bãmana-ñke-koma [бамана]; togo-ñke-koma [диалект торон гвинейского манинка];

4-я подгруппа: khaso-ñke-koma [хасонка]; mane-ñke-kã [по-видимому, гвинейский манинка]; mãnde-ñke-kã [по-видимому, манинка области Манден]; wasulu-ñke-kã; miniã-ka-kã [возможно, язык миньянка, не являющийся языком манде]; sidiã-ka-kã [см. комментарий к sidianka выше]; maniã-ka-kã [манья]; koniã-ka-kã [конья]; mau-ka-kã [мау].

Следует отметить, что некоторые идиомы были расклассифицированы Делафосом без опоры на языковые данные (которых у него подчас не было); язык мог быть отнесен к той или иной группе на основании схожести лингвонимов или исходя из мнений путешественников или носителей каких-то других языков.

В последней версии классификации Делафоса (1924) М.я. вместе с языками сонгай и некоторыми гур были включены в «нигеро-сенегальскую» группу, которая имела следующий вид:

I. Северо-восточная подгруппа: zerma, songoï [семья сонгай, родство которой ни с одной другой семьей не установлено].

II. Восточная подгруппа: dogon [отдельная языковая семья]; samo [сан]; sia [бобо]; sembla [сеенку]; ouaga [язык семьи гур]; natiogo [язык семьи гур]; blé [джалкуна].

III. Юго-восточная подгруппа: boussa; boussan [возможно, биса].

IV. Северная подгруппа: soriko [бозо-сорогама]; sarakolle [сонинке]; azer [северный диалект сонинке].

V. Центральная подгруппа: ligbi; noumou; huéla; mandingue; kuranko; kono; vai.

VI. Южная подгруппа: gbin; ngan; noua [уан]; lo (gouro); toura; dan; manon; guerze; toma; gbandi; mende; langan (d'aluŋka); sousou.

Следует признать, что попытка Делафоса расширить свою классификацию привела к ее ухудшению за счет объединения манде с языками, родство которых с манде не подтвердилось или относится к гипотетическому нигеро-конголезскому уровню (по сути, его «восточная подгруппа» оказывается не генетическим, а географическим объединением совершенно разных языков). В этой поздней классификации Делафос не использовал в названиях групп названий десятки, но в основных чертах она осталась прежней.

Разделение на «тан — фу» (как и многие другие особенности классификации Делафоса) было воспроизведено в авторитетной классификации суданских языков Дидриха Вестермана (1927), который ввел и некоторые модификации.

Группа манде-тан

A. Soninke (близкородственные диалекты: Bozo, Azer) [азер действительно является диалектом сонинке, тогда как бозо — группа из четырех языков, достаточно отдаленных генетически от сонинке].

B. Диалектный пучок малинке-бамбара-дьюла.

1. Malinke (близкородственные диалекты: Koranko, Mau, Wasulu, Minya, Manya, Sidyua, Konyu) [коранко теперь считается отдельным языком, входящим в группу моколе; минья — очевидно, миньянка, язык семьи/группы сенуфо, не входящий в семью манде];

2. Bambara (близкородственные диалекты: Dyangirte, Kagoro, Kalongo, Masasi, Nyamasa, Somono, Toro) [в действительности кагоро стоит ближе к западной группе манден, чем к бамана; сомоно — название субэтнуса-полукасты рыбаоловов в Мали и Гвинее, говорящих на тех же вариантах манден, что и окружающее население, особого диалекта сомоно не существует; торо является диалектом гвинейского манинка, и включение его в число диалектов бамана неоправданно];

3. Dyula (близкородственные диалекты: Dafing, Ble, Dyakanka) [включение всех трех идиомов в число диалектов дюла не оправдано: дафин представляет собой отдельную группу идиомов в рамках группы манден; бле/джалкуна — язык, который входит в одну группу с джого-джерри и лигби; идиом джаханка близок к мандинка].

C. Язык Khasonke [язык хасонка в действительности входит в группу манден, выделение его в отдельную таксономическую единицу такого высокого уровня не оправдано].

D. Язык Vai (близкородственные диалекты: Kono, Ligbi, Hwela, Numu).

Группа манде-фу

A. Диалектный кластер Susu

1. Susu;

2. Dyalonke.

В. Диалектный кластер Mende

1. Mende.

С. Язык Loko

D. Язык Kpelle

E. Диалектный кластер Loma

1. Loma (близкородственные диалекты: Gbunde, Weima, и, возможно, другие).

F. Язык Bandi

G. Диалектный кластер Mano

1. Mano.

H. Язык или диалектный кластер Dan (Gio)

I. Диалектный кластер Kweni (Guro)

1. Kweni (Guro) (близкородственные диалекты: Gan [по-видимому, бен или нген], Suamle, Memne, Kanga Bono, Gagu [гбан], Mwa [муан], Nwa [уан], Sya [бобо], Tura) [эта группа примерно соответствует современной южной группе манде, за исключением языка бобо/сья и неидентифицированных идиомов суамле, мемне, канга боно].

J. Языковой, или диалектный, кластер Samo, Samogo

1. Samo (близкородственные диалекты: северо-восточный, юго-западный, Sembla, Semu) [так возникло ошибочное объединение языков группы самого, входящей в западную ветвь манде, с языками восточной группы юго-восточной ветви сан/само; несостоятельности этого объединения посвящена специальная работа М. Л. Морз (1967). Идентификация «диалекта» сему затруднительна; возможно, имелся в виду язык семэ, принадлежащий семье кру].

K. Язык Busa.

От Делафоса в классификации Вестерманна унаследовано неоправданное объединение в одну группу идиомов лигби, хвела, нуму и, с другой стороны, ваи и коно; включение минья (миньянка?) в число идиомов манден; упоминание среди идиомов группы манден языка мандинка — весьма значительного по числу говорящих и больше всего отстоящего от остальных идиомов манден.

В начале 1950-х гг. Андре Про, основываясь на собранном им сравнительном списке из 408 слов по 19 языкам, предложил выделить группу «мана-буса», которая соответствует юго-восточной группе (с одной оговоркой: Про включил в эту группу и язык бобо, который, по современным данным, входит в западную ветвь манде). Классификация А. Про имеет следующий вид.

Юго-западные манде: сусу, кпелле, тома, гбанде, гбунде [гбунде — один из диалектов лоома].

«Остальные манде»

А. Подгруппа ваи-бамбара.

В Подгруппа мана-буса: Busa; Bisa; Sã; Bobo; Nwã; Mwã; Bë; Gban; Guro; Yaure; Wë [тура]; Dã; Mana/Manon [mano].

Главная ценность этой классификации — разделение прежней группы «манде-фу» на группы: юго-западную и «мана-буса», что стало важным шагом вперед.

Практически одновременно с классификацией А. Про появилась и работа Лаверня де Трессана (1953), который также разводит по разным группам юго-западные манде (вместе с сусу-дьялонке) и юго-восточные манде (в его терминологии «северо-восточные»; в эту группу он, следуя Делафосу, включает и некоторые языки

гур — натборо и ура, а также несколько западных языков манде — бле/джалкуна, бобо, сембла/сеенку).

Старый манде

I. Подгруппа А

Soninké (в т. ч. Dafing — marka de Dédougou; Marka de Bobo) [в действительности марка-дафин является диалектным кластером внутри группы манден; ошибочное отнесение марка-дафин к сонинке, по-видимому, объясняется сходством этнонимов: на большинстве языков манден сонинке называют *màraka*]; Adjèr [азер, северный диалект сонинке]; Sorogo [сорогама, один из языков бозо].

Манде-тан

II. Подгруппа В — остаточные: Ligbi; Numu; Wèla; Kono; Vai; Kuranko (включая Lele). [Впервые языки группы моколе — коранко и леле — сближаются с ваи; в то же время сохраняется неоправданно введенное Делафосом объединение групп ваи-коно с джого-лигби.]

III. Подгруппа С — Manding: Malinka (северный, восточный и южный, в том числе: Khasonka, Dyakhanka, Mikiforé [могофин; первое упоминание этого языка в классификациях манде; в реальности он входит вместе с коранко/куруанко в группу моколе], Wasulunka, Konyanka, Gyomandé [may], Manyaka, Sidyaka, Toronka); Bambara (Kagogo, Somono, Fula-Bambara); Dyula.

Манде-фу

IV. Подгруппа D — северо-восточная: Tyenga; Tchanga; Busa, Boko; Bisa; San; Natoryo; Blé; Wara; Sembla; Bobo-fing; Nwan; Mwa; Ben (Ngan); Gban (Gagu); Kwèndré (в том числе: Memni, Yauré) [квендре — одно из названий языка гуро]; Wen (Tura); Gyо (Mahu) [в действительности мау — один из идиомов группы манден, характеризующийся сильным субстратом дан; некоторые дан в префектуре Туба идентифицируют себя с мау, что и могло породить путаницу]; Dan (в том числе: Gyо, Gè) [гио — либерийское название дан; ге — язык семьи кру, соседний с дан]; Manop.

V. Подгруппа E — юго-западная: Gèrsé (Kpélé), (в том числе: Kono); Toma (Loma); Weima; Gbandé; Gbundé; Mendé; Loko; Susu; Dyalonke.

Отделением «подгруппы E» от «подгруппы D», по-видимому, Лавернь де Трессан обязан сведениям, полученным от Андре Про (на чью работу он ссылается).

В 1958 г. Уильям Уелмерс, основываясь на данных лексикостатистики (что можно считать важнейшей методологической инновацией), ввел разделение на северо-западную (в современных классификациях соответствует «западной») и юго-восточную ветви (соответствует «группе мана-буса», предложенной А. Про), которое стало общепризнанным. Его классификация имеет следующий вид:

I. Северо-западная ветвь

I.1. Северные

Susu-Yalunka

Soninke

Hwela-Numu; Ligbi; Vai, Kono; Kassonke; Malinke-Bambara-Dyula

I.2. Юго-западные

Mende; Loko; Bandi; Loma

Kpelle

II. Юго-восточная ветвь

II.1. Южные

Mano; Gio-Dan; Tura; Mwa; Nwa; Gan; Kweni-Guro

II.2. Восточные

Sya (Bobo-fing)

Northern Samo; Southern Samo; Bisa; Busa

Существенным шагом вперед можно считать также разделение юго-восточных манде на южную и восточную группы (впрочем, включение бобо в последнюю в дальнейшем не подтвердилось). Сам Уелмерс придавал большое значение переклассификации языков сусу и ялунка/дьялонке из юго-западной группы в «северную» (вместе с сонинке и манден), что являлось серьезным аргументом для доказательства несостоятельности дихотомии «манде-тан vs. манде-фу». В классификации, принятой в данном томе, сусу и дьялонке опять сближаются с юго-западной группой (т. е. в этом пункте произошел возврат к до-Уелмерсовским классификациям).

Внутренняя классификация языков манде в работе Джозефа Гринберга (1963), посвященной общей классификации африканских языков, в основном повторяет схему Уелмерса (при этом были изменены названия двух больших ветвей: северо-западной — на западную, и юго-восточной — на восточную). Единственное принципиальное отличие состоит в том, что Гринберг включил язык бобо в западную ветвь (в качестве особой группы), что подтвердили и последующие исследования (впрочем, и Уелмерс относил бобо к юго-восточной ветви с оговорками). Практически без изменений оставил классификацию Уелмерса Рональд Лонг, диссертация которого (1971) посвящена лексикостатистическому анализу семьи манде; он лишь вынес язык бобо в особую ветвь (наряду с северо-западной и юго-восточной), а также сделал вывод о том, что языки самого (не рассматривавшиеся Уелмерсом и Гринбергом) входят в «северо-западную» ветвь. Без существенных изменений эта классификация оставлена у Бимсона (1978). Классификация Двайра (1989) основана на компиляции классификаций предшественников.

На оригинальной методике основана классификация К.И. Позднякова (1978, 1980), которая предполагает статистический анализ сравнительно-этимологического словаря семьи. По результатам этого анализа выделяются четыре группы: бобо-фин (включающая один язык), юго-западная, восточная (соответствует юго-восточной ветви) и северная, при этом бобо-фин оказывается самым древним ответвлением от праманде; вслед за этим отделилась юго-западная группа. Особенностью классификации Позднякова является также объединение сусу вместе с сонинке и бозо в одну группу низшего таксономического уровня (материалы дьялонке при этом не рассматривались); ранее аналогичное предположение высказывалось Морисом Уисом. Более поздние исследования других авторов эти предположения не подтвердили; по-видимому, на результатах анализа сказалась недостаточность доступных в середине 1970-х гг. данных и во многих случаях их низкое качество.

Еще одна внутренняя классификация семьи манде, основанная на лексикостатистике (с использованием модифицированного 100-словника М. Сводеша) и выполненная с применением статистической компьютерной программы, принадлежит Клэр Грегуар и Бернару де Алё (1994). От предыдущих она отличается бóльшим инвентарем учитываемых языков и большей детальностью проработки всех генетических уровней. Как и в остальных современных классификациях, первым оказывается разделение праманде на две ветви — северо-западную и юго-восточную. Внутренняя классификация юго-восточной ветви близка к той, что принята в данном томе (отличаясь от нее в несущественных деталях). В классификации северо-западной ветви (соответствующей западной в классификации, принятой в данном томе) существен-

ной особенностью является то, что первой группой, отделившейся от праязыка ветви, оказывается юго-западная. Важным моментом этой классификации стало признание того, что группы ваи-коно и джого-джерри не обнаруживают какой-то особой близости (при том что у ранних авторов они считались чуть ли не диалектами одного языка). К сожалению, сравнительные списки лексики, использовавшиеся в анализе, не были опубликованы, так что проверка конкретных сближений, повлиявших на его результаты, невозможна.

Широкую известность получила классификация Раймунда Кастенхольца (1997), автор которой отказывается от применения лексикостатистики и прибегает к методу общих лексических инноваций. Сохраняя первое гринберговское деление на восточную и западную ветви, он принимает внутреннюю классификацию восточной (юго-восточной) ветви Грегуар и де Айо (предлагая при этом называть группы более низшего уровня по рекам: вместо «южной группы» — «мани-бандама», вместо «восточной» — «вольта-нигер»; это предложение не получило признания большинства специалистов). Для западной ветви он предлагает членение на две подветви: центрально-юго-западную (юго-западная и центральная группы; центральная включает в себя подгруппы сусу-дьялонке, джого-джерри, ваи-коно, манден) и северо-западную (группы самого, бобо, сонинке-бозо).

Последней по времени является классификация автора данной статьи (2009), основанная на применении метода «улучшенной глоттохронологии» С. А. Старостина (с публикацией полного сравнительного списка слов, использованного для анализа), см. схему на с. 1140. Главные отличия от классификаций предшественников состоят в следующем:

— не признается необходимость выделения северо-западной подветви (предлагаемой Р. Кастенхольцем); группы самого, сонинке-бозо, бобо и центрально-юго-западная считаются результатом почти одновременного (в пределах статистической погрешности) распада западной ветви;

— группа сусу-дьялонке сближается с юго-западной (а не включается в центральную подветвь, в которой остаются группы манден, моколе, коно-ваи, джого-джерри) — вопреки предложению У. Уелмерса и всех следующих за ним авторов классификаций (но в соответствии с более ранними классификациями, в частности, М. Делафоса и А. Про);

— группа моколе оказывается ближайшим родственником группы ваи-коно, а не манден; повышенное количество общих изоглосс с манден в некоторых языках этой группы объясняется поздним влиянием со стороны манден.

Первое предположение относительно внешней классификации М.я. выдвинул Морис Делафос, который сближал манде с языками других семей в рамках «сенегало-нигерской семьи». Дидрих Вестерманн включал манде в свою гипотетическую суданскую семью. Наибольшее признание получила гипотеза Джозефа Гринберга, который объединил большинство языковых семей Африки, включая и манде, в нигеро-кордофанскую макросемью (позднее переименованную в нигеро-конголезскую), причем манде рассматривается как самое раннее ответвление (или одно из самых ранних ответвлений) от пранигер-конго. Верификация гипотезы о принадлежности манде к нигер-конго затрудняется отсутствием надежной реконструкции праманде (а также и праязыков большинства других семей, включаемых в нигер-конго), что вызывает усиление скептицизма по этому вопросу в последние десятилетия.

В разное время в качестве альтернативы нигеро-конголезской гипотезы выдвигались предположения о связях манде с языками сонгай (М. Делафос, Г. Мукаровский,

1966, Р. Николаи) или чадскими языками (Г. Мукаровский, 1987), не получившие широкого признания специалистов.

5. Первое разделение семьи манде, по данным улучшенной глоттохронологии, произошло во второй половине IV тыс. до н. э. Хронология дальнейшего членения отражена на схеме на с. 1140.

6. Фонология. Вокалические системы М.я. демонстрируют большое разнообразие. Во всех группах (особенно в западной ветви) наиболее частотна 7-гласная треугольная система, но в сонинке и северо-западных манде (манинка, западный манинка-хасонка) произошло упрощение до 5-гласной системы, а в некоторых языках южной группы существуют более сложные системы: содержащие ряд задних неогубленных гласных — дан, гоо; 9-гласные треугольные, с 5 ступенями раствора — тура; предположительно с контрастом по продвинутости/отодвинутости корня языка (ATR), с вокалической гармонией (в пределах стопы) — гуру, яурэ, биса, возможно также бобо, и без гармонии — гоо. Во многих языках семьи имеются носовые гласные фонемы, при этом их инвентарь может полностью соответствовать инвентарю неносовых гласных (бамана), но значительно чаще он оказывается редуцированным (отсутствуют среднезакрытые носовые $\bar{o}$, $\bar{e}$), а для большинства языков с (предположительно) контрастом по ATR (гуру, яурэ, биса) характерно наличие трех вокалических серий: с продвинутым вперед корнем языка (+ATR), с отодвинутым назад корнем языка (-ATR) и носовых, не имеющих контраста по ATR. Во многих языках западной ветви есть долгие гласные фонемы, при этом в некоторых из них на такие фонемы есть позиционные ограничения — например, невозможность появления долгих гласных фонем в конечной позиции в неоднословных словах (стопах) в бамана; в других (мандинка, биса) таких ограничений не наблюдается. Во многих языках (особенно южных и восточных) предпочтительной оказывается трактовка фонетически долгих гласных как бифонемных сочетаний.

Для праязыка семьи в предварительном порядке реконструируется вокалическая система с гармонией гласных по ATR и назальности. Такая реконструкция позволяет объяснить отсутствие среднезакрытых носовых гласных фонем во многих языках с 7-гласными системами, а также аномальное отсутствие (или резко пониженную частотность) сочетаний носовых согласных со среднезакрытыми гласными в таких языках.

Для многих языков манде имеет смысл постулировать носовой гласный нулевой ступени открытости, N или η , который отличается ограниченной дистрибуцией (невозможны слоги структуры $*C\eta$), при этом он является тононосителем наравне с другими гласными. Возможно и выделение этого элемента в особый (наряду с согласными и гласными) одноместный класс фонем, «носовой слогоноситель».

Консонантные системы в большинстве своем характеризуются отсутствием геминации. Важное исключение тут представляет сонинке; имеется геминация, хотя и малочастотная, также в некоторых диалектах мандинка.

Для праманде, по-видимому, следует реконструировать имплозивные согласные (по крайней мере, $*b$ и $*d$, не исключена также реконструкция $*k$ или $*g$; противопоставление праязыковых имплозивных по звонкости маловероятно). b (а иногда и d') сохранился во многих языках южной группы (дан, тура, гоо, mano, гуру, яурэ, муан, уан); в других группах праязыковые имплозивные отслеживаются по системам регулярных соответствий. Имплозивные согласные отмечены и в некоторых языках других (помимо южной) групп (кпелле, лоома, вай, мау), но там они, по-видимому, не восходят к соответствующим праязыковым фонемам и являются инновациями. Носовые согласные в праманде, по всей вероятности, не имели фонемного статуса и

были аллофонами соответствующих имплозивных и/или сонантов (*b, *d ~ *l, *y, *w) в позиции перед носовыми гласными (аналогично тому, что наблюдается в большинстве современных южных манде).

Во многих языках манде имеются двухфокусные лабиовелярные согласные *gb* и *kp* (или только один из них, обычно *gb*), в языках группы самого также *ɲm* [ɲ̥m̥]. Это явление ареального характера: лабиовелярные хорошо представлены в более южных языках, причем иногда по их наличию/отсутствию различаются близкородственные языки (например, гвинейский манинка и бамана) или даже диалекты одного языка. Следует ли реконструировать эти согласные для праманде, пока неясно.

В большинстве языков семьи (среди исключений — сонинке и северо-западные манден) существенно различаются консонантные инвентари в начале и в середине стопы. В срединной позиции в таких языках не могут появляться (или появляются редко) смычные согласные, особенно глухие; могут нейтрализоваться некоторые фонологические оппозиции, релевантные для начальной позиции (например, оппозиция *k* : *g* в бамана). С другой стороны, для согласных *l* и особенно *r* (там, где последний существует; во многих М.я. фонема *r* отсутствует) нередко оказывается запрещенной, полностью или частично, начальная позиция. В южных манде *l* и *r* оказываются дополнительно (иногда — отчасти факультативно) распределенными аллофонами; чаще всего при начальных передне- и среднеязычных согласных в середине стопы выступает [r], при начальных лабиальных и велярных — [l].

В некоторых М.я. наблюдается позиционное чередование начальных согласных, объясняющееся (синхронно или исторически) наличием или отсутствием предшествующей носовой слоговой фонемы. Наиболее развиты такие чередования в языках юго-западной группы, где они оказываются в большей или меньшей мере грамматикализованными — в силу наличия в пра-юго-западном языке несубъектных местоимений 1-го и 3-го лица единственного числа, экспонентами которых был носовой слоговой (с высоким или низким тоном соответственно). Интерпретации начальных консонантных чередований посвящена обширная литература; по-видимому, оснований для реконструкции грамматикализованных чередований такого рода на уровне более глубоком, чем пра-юго-западный манде, нет.

Доминирующая структура слога в большинстве языков семьи — CV. Неприкрытый слог, V, характерен для некоторых разрядов (полу)служебных слов (личные местоимения и местоименные предикативные показатели; междометия) или для конечного слога стопы. Во многих языках допустимы также структуры CVɲ, трактовка которых (закрытый слог или двусложная стопа, CVV) зависит от интерпретации конечного -ɲ. В бамана *-ɲ исчез, дав назализацию предшествующего гласного: *CVɲ > CṼ. В идиомах зоны, включающей в себя запад Кот-д'Ивуара, южную Гвинею, северную Либерию и Сьерра-Леоне, наблюдается ослабление конечного -ɲ, иногда сопровождающееся дифтонгизацией предшествующего среднего гласного (в диалектах дан, в мау, в маню; например, в дан: *dɔ̃ɲ* [dɔ̃^u ~ dɔ̃^{uu}] 'ствол'). В лоома, локо, банди, зиало *-ɲ полностью утратил свою сегментную составляющую и проявляется лишь в сандхи, влияя на ступень чередования последующего согласного; в менде *-ɲ исчез бесследно.

Закрытые слоги в большинстве М.я. недопустимы (за исключением некоторых периферийных классов лексем, таких как экспрессивные наречия; см. выше оговорку относительно структуры CVɲ), лишь в некоторых языках (биса, северный бобо) они оказываются возможны (по-видимому, в результате падения конечного гласного в стопе). В таких языках конечным согласным может быть только сонант, ср. биса-лебир

bútur 'влажный', *kúŋkum* 'черный'; сев. бобо *nāŋ* 'курица', *sòw* 'горшок'. Впрочем, не исключено, что конечный элемент в северном бобо имеет вокалический статус.

Важным для многих М.я. оказывается выделение особой ритмической единицы, более крупной, чем слог — стопы (в другой терминологии — «малого фонологического слова»), характеризующейся повышенной степенью интеграции составляющих ее слогов. Это проявляется в том, что в двусложных стопах имеются ограничения на сочетаемость гласных и тонов первого и второго слога; различаются инвентари начальных и срединных согласных, при этом выбор аллофона срединного согласного может зависеть от класса начального согласного; деление на стопы может влиять на контекстуальные и грамматические изменения тонов; в некоторых языках — в частности, бамана — можно говорить о наличии стопного ударения.

У д а р е н и е в большинстве М.я. отсутствует. Там, где оно может быть выделено (в частности, бамана), его функциональная нагрузка невелика.

Т о н. Практически все языки манде тональны (единственное известное исключение — один из говоров дьялонке на севере Фута-Джаллона, утративший тоны под влиянием пулар; описан Фредерике Люпке), однако инвентарь (от 2 до 5 уровневых тонов, в некоторых языках есть и контурные тоны) и функциональная нагрузка тонов очень сильно варьируют; языки различаются также по роли в них грамматических тонов (тональных служебных морфем) и по степени присутствия контекстных изменений тонов. В большинстве языков западной ветви манде имеется два уровневых тона, исключениями являются: группа самого (3 или 4 тона), бобо, либерийский кпелле, по-видимому, также джого и джалкуна. В юго-восточных языках преобладают политонические системы; все эти языки имеют от 3 до 5 уровневых тонов (судя по имеющимся данным, исключение представляет биса, где фонологический анализ позволяет свести тональную систему к двухуровневой). Предположительно, в праманде было два уровневых тона, увеличение их числа произошло в результате процессов расщепления тонов (в том числе под воздействием тонопонижающих согласных) или вследствие стяжения сегментных единиц.

Функция и н т о н а ц и и в языках манде нередко ослаблена; вместо нее часто используются фразовые частицы, выражающие различные модальные и прагматические значения.

Реконструкция фонологической системы праманде на современном уровне и с учетом современных данных пока отсутствует, имеются только реконструкции начального консонантизма некоторых групп: юго-западной (Dwyer 1974; Kastenholz 1997; Выдрин 2006), южной (Vydrin 2007), манден (Creissels 1979, 2004; Kastenholz 1997; Выдрин, Поздняков 1987); срединного консонантизма манден (Kastenholz 1997; Выдрин, Поздняков 1987); вокализма манден (Выдрин, Поздняков 1987), элементы реконструкции тонов юго-западных манде (Dwyer 1973). Попытка реконструкции фонологии праязыка восточной группы (Schreiber 2008) может считаться лишь предварительной и нуждается в серьезной доработке (Vydrin 2010).

М о р ф о л о г и я. В языках манде преобладает изоляция. Имеющаяся в некоторых группах (юго-западной, самого, южной, восточной) сравнительно развитая словоизменительная морфология (в значительной мере фузионная, нередко тональная) носит в основном инновационный характер; очень немногие ее элементы реконструируются лишь для уровня неглубоких групп (до 2,5–3 тыс. лет). Деривационная морфология более богата, но и здесь наблюдаются большие различия между группами, что не позволяет считать ее очень древней. Возможно, для уровня праманде следует реконструировать грамматический низкий тон как маркер изафета в именной

конструкции генитивного типа. Для М.я. характерна суффиксация; префиксы имеются только у глагола в группах манден, моколе, сусу-дьялонке, тогда как в языках других групп (ваи-коно, юго-западной, южной) им соответствуют более или менее отделяемые элементы — превербы. Очень развито словосложение, при этом нередко граница между сложным словом и словосочетанием оказывается нечеткой. Части речи выделяются по морфосинтаксическому критерию, причем синтаксический компонент чаще всего доминирует. В некоторых группах (прежде всего манден) очень развита частеречная конверсия.

Ч и с л о в большинстве языков выражается стандартной клитикой или суффиксом (преобладают формы $=ni$, $=li$, $-e$, $-u$, $-a$, праформы для которых предположительно реконструируются как $*=d\dot{u}$, $*-yE$; $*-U$, $*-\dot{a}$), следующими за существительным или за его атрибутивным определением. В некоторых языках южной группы, а также в бобо и сеенку, допускается, при наличии атрибутивного определения, помещение плюральной клитики одновременно после существительного и после определения. В южных манде множественность именной группы может выражаться и редупликацией прилагательного, в некоторых языках это средство выражает одновременно повышенную интенсивность качества. В локо (юго-западные манде) множественное число одушевленных существительных выражается суффиксом $-\dot{a}$, неодушевленных существительных — редупликацией самого существительного, или определяющего его прилагательного, или (для прямого дополнения) — редупликацией глагола. Достаточно типично для М.я. разных групп наличие (помимо стандартного) еще одного показателя множественности, который сочетается с названиями людей и/или названиями старших родственников; нередко он же выступает как показатель ассоциативной множественности. В лоома плюральных показателей три: $-ti(g)$ для определенного множественного, $-a$ для неопределенного множественного, $-ni(g)$ для названий старших родственников. Различные показатели определенного и неопределенного множественного отмечены и в бозо-тигемахо: неопред. мн. ч. $-ye$, опред. мн. ч. $gie \sim igie \sim yegie$ (результат слияния $-ye$ со стандартным показателем определенности gu). Особняком стоит язык бобо, где имеется большое количество моделей образования множественного числа, при этом некоторые существительные плюрализируются усечением сингулярной основы.

Глагольная множественность выражается в некоторых М.я. (в частности, в идиомах манден, в дан, в бобо) полной редупликацией глагола. В дан она может также передаваться помещением стандартного показателя именной множественности $-d\ddot{u}$ после преверба. В сусу, дьялонке и какабе имеются глагольные префиксы $ta-$, выражающие значение глагольной множественности.

Г р а м м а т и ч е с к и й р о д или и м е н н ы е к л а с с ы в современных М.я. отсутствуют. Данные языков разных групп (в основном западной ветви) позволяют предполагать наличие в праязыке классифицирующей именной морфологии, однако остается неясным, была ли это система именных классов нигеро-конголезского типа. В современных языках имеются отдельные словоклассифицирующие показатели: особый показатель множественности для некоторых названий людей, иногда — для названий старших родственников (юго-западные манде, южные манде); в лоома сформировался класс локативных существительных, имеющих особый определенный артикль $-ve$ (в то время как артикль для всех остальных имен имеет вид $-i \sim -y$), однако согласование по этим признакам отсутствует. В некоторых языках в личных местоимениях 3-го лица кодируется пол (джовулу) или личность/неличность (боко, джалкуна, джовулу, локо) референта.

П а д е ж и склонение М.я. в целом чужды, однако во многих языках южной и юго-западной групп противопоставляются формы местоимений в различных синтаксических позициях, что может интерпретироваться как склонение. В сонинке формы местоимений 3-го лица в разных синтаксических функциях различаются тонами; фокализированные ИГ и вопросительные местоимения в функции подлежащего маркируются энклитикой *-n*. Во многих языках семьи вершинная функция существительного в генитивной конструкции маркируется тоном. Система склонения существительных формируется в дан и, по-видимому, в гоо, где в рамках части речи существительных выделился класс «локативных имен», различающихся по две и более падежные формы (возникшие в основном в результате слияния с послелогоми). Всего в дан можно выделить шесть падежей («общий», для всех ядерных синтаксических функций, и пять периферийных), однако большинство из них маркируются лишь на небольшом количестве лексем, и ни одна лексема не имеет форм всех шести падежей.

О т ч у ж д а е м о с т ь / н е о т ч у ж д а е м о с т ь вместе с а в т о с е м а н т и ч н о с т ь ю / р е л я ц и о н н о с т ь ю является «скрытой» классифицирующей категорией в большинстве М.я. Вершинное автосемантическое/отчуждаемое имя соединяется с именным зависимым при посредстве специального соединительного элемента (который можно отнести к классу послелогов, например, *lá* в гвинейском манинка: *i lá sò* 'твоя лошадь'), тогда как неотчуждаемое/реляционное существительное не требует такого элемента (*i sèn* 'твоя нога', *i fà* 'твой отец'). Во многих юго-западных и южных языках произошло слияние местоимений-посессоров с соединительным элементом, в результате чего образовались серии посессивных прономинальных элементов. В кпелле, лоома, ману такой прономинальный посессор стал использоваться как соединительный элемент и при наличии существительного-посессора; в данном случае можно говорить о согласовании соединительного элемента (послелога) с посессором по лицу. Несмотря на то что соединительные элементы в разных современных М.я. материально не совпадают (и, соответственно, восходят к разным послелогам или иным служебным словам), формальное противопоставление этих двух типов посессивности (и, возможно, также и двух классов существительных), по-видимому, следует реконструировать и для праманде, а его отсутствие в некоторых М.я. (буркинийский дьюла, бен, сонинке) нужно признать инновацией. Семантика зависимого имени в такой конструкции также влияет на оформление связи; во многих языках соединительный посессивный элемент невозможен, если референт зависимого имени/местоимения — не-лицо. В юго-западных манде противопоставляются (с использованием различных формальных средств от языка к языку) три посессивные конструкции: с неотчуждаемыми существительными (отношение «часть-целое»), с реляционными именами (термины родства и другие лексемы с сильной внешней валентностью) и с отчуждаемыми/автосемантическими именами.

В и д, в р е м я, м о д а л ь н о с т ь выражаются в М.я. чаще всего в рамках глагольных конструкций, образующих единую парадигму; грамматически значимыми морфологическими элементами таких конструкций могут быть предикативные показатели, выступающие в позиции после подлежащего (в некоторых языках — локо, кпелле — также перед подлежащим); глагольные суффиксы; изменение тона на глаголе и, реже, аблаут в глагольной основе. В целом для М.я. характерно преобладание видовых противопоставлений над временными (важным исключением является язык гбан, в котором развилась категория времени и временной дистанции). Очень типично образование глагольных конструкций, выражающих значения из имперфективной зоны, из неглагольных с копулой и какой-либо нефинитной формой (послед-

ние, в свою очередь, часто образуются из сочетаний глагольных основ с локативными послелогоми).

Отрицание в большинстве языков выражается предикативными показателями или субъектными местоимениями (кумулятивно со значениями вида, времени и модальности), однако в некоторых языках имеется специализированный показатель отрицания, занимающий постсубъектную (лоома, сусу) или конечноклаузальную (уан, джого, джели) позицию. В юго-восточной зоне (гуро, яурэ, бен, некоторые диалекты бамана на юге Мали, некоторые северные идиомы сан, биса, боко, бокобару, шанга, кьянга, бобо, большинство языков самого, отчасти также джого и джели) распространено рамочное отрицание (один показатель в постсубъектной позиции, другой — в конце клаузы). В некоторых языках прохитив или отрицательно-целевое значение может выражаться при помощи отрицательного союза (гуро, яурэ, дан). Во многих М.я. противопоставление по полярности характеризуется большей или меньшей асимметрией.

Категория залога в М.я. практически отсутствует, единственное известное исключение — северо-западный диалект какабе, где имеется глагольный суффикс пассива *-ta*, заимствованный из пулар.

Суффиксы антипассива имеются в сонинке, *-ndi*, и в мандинка, *-ri/-dirí*, однако в сонинке речь идет скорее об актантах *и деривации*, а в мандинка образование антипассива сопряжено с обязательной номинализацией, поэтому в обоих случаях антипассив не является залогом. Из более или менее регулярных актантных дериваций в М.я. широко представлен каузатив, показателем которого часто выступает префикс (большинство языков манден *lá-*, языки моколе *la-*, сусу *ra-*, кла-дан *lé-*), но в некоторых языках имеется каузативный суффикс (мандинка *-ndí*, сонинке *-ndí*, бозо *-ni*, бобо *-bē*, гбан *-kà/-kà*). В сонинке и бозо имеются суффиксы интранзитивизации *-i* (деагентивной или депациентивной); возможно, этимологически связан с ними и малопродуктивный антипассивный суффикс *-E* в бобо. В какабе имеется префикс рефактива *ta-* (впрочем, последний случай не относится к актантной деривации).

Широко распространена Р-лабильность (при этом А-лабильность встречается в М.я. значительно реже и оказывается намного менее продуктивной). Во многих языках очень продуктивна пассивная Р-лабильность; в языках группы манден и моколе, а также в лоома и кла-дан пассивизироваться может практически любой переходный глагол; в других языках южной группы пассивная лабильность менее регулярна, но также представлена. При этом в языках манден, моколе и сонинке в некоторых глагольных конструкциях содержится морфологический маркер *переходности/непереходности* (в манден и моколе — в утвердительном перфективе: предикативный показатель в переходной конструкции, глагольный суффикс — в непереходной; в мандинка: разные тоны на отрицательных перфективно-стативном и имперфективном предикативных показателях в переходной и непереходной конструкциях; в сонинке: в перфективе — предикативный показатель *dà* в переходной конструкции, нулевой показатель в непереходной; в конъюнктиве: предикативный показатель *nà* в переходной конструкции, *nàn ~ ñ* в непереходной); в других же языках (например, кла-дан) различие между переходными и непереходными употреблениями никак не маркируется морфологически.

Прилагательные в М.я. представлены неравномерно: их совсем немного (менее 10 лексем) в юго-западных языках манде (где в атрибутивной функции выступают глаголы в стативной форме); они весьма многочисленны в южных манде, где лексикализуются нередко достаточно нетривиальные адективные значения и их

комбинации; в языках манден прилагательные также довольно многочисленны и пополняются путем деривации и конверсии, конкурируя в предикативной функции с качественными глаголами. Во многих южных манде прилагательные имеют формы интенсификации, образованные полной или частичной редупликацией, иногда также тоновой модификацией и/или трансфиксацией; в дан, тура и мано прилагательное имеет форму селектива, образуемую суффиксально. Значение компаратива повсюду образуется аналитически, при помощи конструкции с глаголом, исходное значение которого — «проходить, превосходить». Во многих языках западной ветви манде прилагательное образует тональное единство с предшествующим существительным, что может интерпретироваться как объединение их в одно сложное слово (в некоторых языках это правило может распространяться не на все типы прилагательных).

Д е т е р м и н а т и в ы выделяются в большинстве М.я., при этом они обычно гетерогенны и не всегда четко отграничиваются от прилагательных. Критериями такого отграничения могут быть особенности сочетания с показателем множественности и/или с суффиксальным/клитическим артиклем (атрибутивная группа «существительное + прилагательное» свободно сочетается с этими элементами, которые при этом присоединяются к прилагательному справа; детерминативы же имеют тенденцию запрещать или, наоборот, навязывать сочетание с этими показателями).

Ч и с л и т е л ь н ы е обычно относятся к классу детерминативов, помещаются после определяемого существительного, при этом в большинстве языков показатель множественного числа не употребляется (а если употребляется, то выражает не множественность, а какие-то прагматические или коммуникативные значения). Особо выделяется сонинке, где числительное «один» ведет себя подобно прилагательным, числительные от 2 до 10 маркируются низким тоном и суффиксом *-i*, следуя за плюрализованному существительным; остальные числительные предшествуют существительным, образуя с ними именную конструкцию генитивного типа.

Для языков манде характерно сочетание систем счета с разными основаниями:

— квинарной — только в пределах первого десятка, при этом квинарность может быть более или менее затемненной (языки манден) или вообще отсутствовать (сонинке, дзуун);

— десятичной — преобладающая в М.я. (оказывается периферийной лишь в некоторых языках самого, в частности в дзуун), причем в дан название десятки прозрачно восходит к слову со значением «рука/руки», но преобладающие в М.я. основы, восходящие к **tán* и **bù* или **fû* 'десять, десяток', реконструируемые для праманде (и/или для праязыков различных подгрупп), очевидной прозрачной этимологии не имеют;

— вигезимальной — такие системы обнаруживаются в языках, входящих в разные группы М.я. (дзуун, лигби, гуро, муан, уан, боко, архаичная система счета бамана); по-видимому, вигезимальность следует считать результатом влияния (субстрата) гур или сенуфо;

— непоследовательные восьмидесятеричные системы отмечены в дзуун и в архаичной системе счета бамана; по-видимому, являются результатом развития вигезимальных систем;

— пятнадцатеричные системы отмечены в джоги и в боко (для обозначения числительных от 16 до 19).

При образовании сложных числительных, помимо обычных для языков мира действий сложения и умножения, может употребляться также вычитание (языки боко, дзуун, архаичная система бамана) и даже деление (традиционная система бамана).

При счете денег во многих М.я. используется «правило умножения на пять» (т. е. базовой единицей счета является пять франков).

Предикативные показатели являются синтаксической вершиной предложения, они занимают позицию после подлежащего; в отдельных языках (локо, гуру) — также перед подлежащим (впрочем, в гуру эти элементы могут интерпретироваться и как союзы). В языках юго-западной, южной и восточной групп они образуют слитные формы с субъектными местоимениями; в некоторых из этих языков (дан, мано, гбан, бен; отчасти также гоо, тура, яурэ; по-видимому, все юго-западные) такие слитные формы обязательно присутствуют в предложении даже при наличии непрономинализованной ИГ в позиции подлежащего, превращаясь, таким образом, в т. н. местоименные предикативные показатели (МПП; иногда это трактуется как согласование предикативного показателя с подлежащим по лицу/числу). Предикативные показатели часто восходят к копулам или к глаголам движения.

Личные местоимения во многих М.я. различаются в первом лице множественного по клюзивности, противопоставляя формы инклюзива (говорящий + слушающий) и эксклюзива (говорящий + третьи лица, исключая слушателя); в некоторых языках различаются двойственное число инклюзива (говорящий + слушающий) и его множественное число (говорящий + слушающий + третьи лица). Нередко инклюзивное местоимение является по происхождению сочетанием местоимений 1-го лица эксклюзива и 2-го лица множественного числа.

Личные местоимения проявляют сильную тенденцию к слиянию с последующими (а иногда и с предшествующими) служебными словами. Таким образом образовались субъектные серии местоимений, выражающие значения вида, времени, модальности и полярности, в языках многих групп манде; МПП в юго-западных и южных манде; косвеннообъектные серии местоимений в кпелле и яурэ; эмфатические и фокализованные серии во многих М.я.; квотативные маркеры в тура, кпелле, южном сан, джовулу, дьюла р-на Саматигила.

Послелог и являются доминирующим типом адлогов, хотя во многих М.я. имеются и предлоги, как правило, немногочисленные (лоома *gà*, комитативно-инструментальный предлог; другие юго-западные языки *à* в той же функции; языки манде *fó* 'вплоть до' и др.). Достаточно типично для предлогов употребление и в функции союзов, вводящих клаузы. Главная функция послелогов — маркировка связи между глаголом и косвенным членом, однако в большинстве М.я. они могут связывать и два существительных. Послелогом можно считать и посессивную связку, маркирующую отчуждаемую принадлежность. Для локативных послелогов в языках манде характерно обозначать локализацию, но не направление движения по отношению к ориентиру (последнее выражается при помощи глаголов). Послелог в большинстве своем восходит (с прозрачной этимологизацией) к названиям частей тела или существительным со значениями типа «нижняя часть», «место». Во многих языках имеется класс сложных послелогов, состоящих из субстантивных основ с локативной или генерической семантикой и простых послелогов (иногда между этими компонентами наблюдается фузия, ср. бамана: *kámà* 'из-за' — возможно, от *kán-mà шея-на). В дан возможна полная редупликация некоторых послелогов, выражающая значение плюриакциональности или длительности ситуации, выражаемой предикатом.

Копулы выделяются в большинстве языков семьи в особую часть речи, отличаясь и от глаголов, и от предикативных показателей морфологически и синтаксически (хотя некоторые копулы, происходящие от глаголов, могут частично сохранять глагольные признаки). Копулы являются синтаксическими вершинами основных

типов неглагольных клауз. В языке может быть несколько копул, выступающих в разных типах клауз (ситуативная, презентативная, эквативная). Как правило, выделяются утвердительные и отрицательные копулы. Копулы могут восходить к глаголам, указательным наречиям, фокализирующим частицам.

Н а р е ч и я в б о л ь ш и н с т в е я з ы к о в — класс неизменяемых лексем (хотя в некоторых идиомах допускается их редупликация со значением интенсивности), употребляемых в позиции после глагола. В дан имеется словоклассифицирующий тождественный суффикс (дан-гуэта *-dʒ*), омонимичный (и, очевидно, этимологически тождественный) суффиксу локативного падежа локативных имен. Во многих М.я. имеется обширный подкласс экспрессивных наречий-ономатопей, как правило, имеющих узкую семантическую сочетаемость. С наречиями могут сближаться локативные имена — подкласс существительных, способных употребляться в сирконстантной функции без послелога. В языках манден выделяется особый класс лексем — предглагольные наречия, которые образуют с последующим глаголом тонально компактное единство; такие наречия четко отличаются от постглагольных (конверсия между этими двумя классами лексем минимальна) и активно пополняются за счет конверсии существительных. Для юго-западных манде типичны неориентированные наречия временной дистанции (например, обозначающие одновременно ‘позавчера’ и ‘послезавтра’).

Ч а с т и ц ы не входят в синтаксическую структуру предложения и выражают различные модальные значения. В некоторых языках выделяют подклассы конечно-клаузальных частиц (сферой действия которых является вся клауза) и приименных частиц; последние не всегда четко отграничиваются от детерминативов.

Морфологическая праязыковая реконструкция находится в начальной стадии. Некоторые предварительные предложения были выдвинуты Д. Двайром (1988); имеются реконструкции прономинальной и глагольной систем пра-южного манде (Выдрин 2006, 2012); прономинальной и глагольной систем пра-юго-западного манде (Бабаев 2011; Babaev 2011).

С и н т а к с и с М.я. весьма устойчивый. Базовый порядок слов в простом глагольном предложении такой: S AUX (DO) V X (S — подлежащее, AUX — предикативный показатель, DO — прямое дополнение, V — глагольный предикат, X — косвенный член). Наличие прямого дополнения обязательно для переходных глаголов. К важным исключениям из этой схемы относятся следующие:

— в языках юго-западной группы прямообъектные личные местоимения интегрировались в состав глагольной словоформы в качестве префиксов или морфем-операций (чередование начального согласного и тона), и при их наличии ИГ прямого дополнения отсутствует;

— в юго-западных и некоторых южных манде произошло слияние субъектных местоимений с предикативными показателями, и получившиеся в результате формы были реинтерпретированы как местоименные предикативные показатели (МПП). При наличии в клаузе МПП подлежащее может быть не выражено, и в таких языках стали возможны (и очень частотны в текстах) бесподлежащие предложения;

— в языках манден и в сонинке (а также и в некоторых других М.я. — в частности, в уан) возможно помещение в предглагольную позицию (т. е. между прямым дополнением и глаголом, если конструкция переходная) предглагольных наречий, а также существительных в функции наречий образа действия (по-видимому, можно в таком случае говорить о конверсии существительное → прилагательное/наречие), в сонинке также во временном значении. Впрочем, такие случаи могут интерпретироваться и как словосложение;